

18+

Ольга Луцинская

МОЙ МИР. ПОБЫТЬ
В ЧУЖОЙ ШКУРЕ

Книга четвертая

Ольга Луцинская

**Мой мир. Побывать в чужой
шкуре. Книга четвертая**

«Издательские решения»

Луцинская О.

Мой мир. Побывать в чужой шкуре. Книга четвертая /
О. Луцинская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-692671-4

В бесконечно меняющихся мирах очень трудно не потерять себя, но еще сложнее — понять тех, кто тебя окружает. Малкольму предстоит не только разобраться в себе, но и начать учиться подстраиваться под других.

ISBN 978-5-00-692671-4

© Луцинская О.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава I. Отделенный	8
Глава II. Новый лучший враг	24
Глава III. Потревоженное убежище	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мой мир. Побывать в чужой шкуре

Книга четвертая

Ольга Луцинская

© Ольга Луцинская, 2026

ISBN 978-5-0069-2671-4 (т. 4)

ISBN 978-5-0051-9489-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Данное произведение не пытается оскорбить чувства верующих и их религию, мировоззрение общества в целом или отдельных индивидуумов. Идеи книги и ее содержание выражают собственную точку зрения автора, его видение мира и событий, а также понимание морали, взгляды на то, какой она должна быть и что ее составляет. Книга никого не призывает поступать так или иначе, ее цель – заставить отдельного человека задуматься о том, как стоит поступать ему лично, а как нет, найти самого себя и измениться в лучшую сторону.

В книге могут присутствовать сцены насилия, курения, принятия алкогольных и психоактивных веществ. Автор относится к этому негативно и призывает Вас не прибегать к пагубным привычкам. Если у Вас есть проблемы с этим, пожалуйста, обратитесь к специалистам.

Все истории и события, входящие в книгу, являются вымышленными. Сказок, указанных в ней, не существует, национальных границ нет, а все расовые различия приведены только в качестве описания разнообразия живущих существ, их особенностей, и говорят о том, что каждый из нас уникален.

Все стихи, представленные в книге, принадлежат самому автору.

При написании книги ни одно живое существо не пострадало.

Приятного чтения, дорогие друзья!

Пролог

С тех пор, как мы с Кларком нашли элемент сферы Галадриона, прошло уже некоторое время. Шумиха вокруг этого события успела стихнуть, Кларк обзавелся известностью среди воинов, а я... А мне на время запретили какие-либо вылазки в другие миры.

Когда Совет узнал, что я скрыл одну из бутылок, а именно ту, которую подарил мне Саванн, меня закрыли в Городе Совета на неопределенный срок. Я слышал от Пабло и Кобальта, что часть членов Совета была даже рада такому стечению обстоятельств, ведь это помогло нам разгадать загадку бутылок и, более того, найти кусочек сферы Галадриона. Другие же были возмущены тем, что я, вопреки всем правилам и указаниям, скрыл стратегически важную информацию от всех. После небольшой дискуссии, было принято решение оставить меня в Городе до тех пор, пока Совет не сочтет, что я могу продолжить свою службу. Участь моя должна была решиться голосованием членов Совет.

В отличие от Кларка, я, скорее, обзавелся неоднозначной популярностью среди воинов. Кто-то посчитал меня некомпетентным и импульсивным, другие одобряли мою инициативность и решительность, но большинству, конечно, было все равно. Однако, я не завидовал Кларку. По словам Мати, всякий раз, когда он возвращался в Город, на улицах его то и дело кто-то останавливал, выражал свое восхищение, благодарность, хлопал по спине, жал руку или проявлял свое одобрение иными принятыми в его мире способами. В мире Кларка того, кто заслужил признания, били кулаком в грудь. Не сильно, ободряюще и одобряюще, но мало кто так делал. Все же проверить такой финт с бугаем решались не все.

Пока я находился здесь, часто проводил время с Джейсоном и Мати. Мы слонялись по городу, обсуждали разные события и идеи, а с Рыжим еще и вместе ходили в университет. Правда, занятия у нас были разные. Кроме, разве что, практикумов и лекций по технологиям и их устройству. Жизнь в Городе стала для меня чем-то обыденным. Она напомнила времена, когда я учился в университете в своем мире. Исключением было лишь то, что сейчас у меня были друзья. Не поймите меня неправильно, мне не составляло никаких проблем с кем-то познакомиться и найти общий язык, но желания делать подобное у меня не возникало. Мне не очень-то и хотелось к кому-то привязываться. Сейчас я тоже не особо горел идеей с кем-то знакомиться, но все сложилось как-то само собой. Мати и Джейсон попеременно брали Вакки к себе пожить. Малышу было не так важно то, у кого он находился. Главное, чтобы кормили, любили и не забывали о нем. И все же большую часть времени он находился с Мати, в постоянном доме. Посетители привыкли к нему, трепали его и гладили, а он радостно гонял мячик по холлу, порой не упуская возможности стащить что-нибудь с общей кухни, если кто-то из посетителей что-то оставлял и уходил по делам. Такое вкусное стечение обстоятельств очень радовало сегрегата, поэтому на кухне он ошивался каждый раз, как туда кто-то заходил. Отучить его от такой вредной привычки лазать по столам Мати так и не смогла. Так малыш и остался жить в постоянном доме насовсем.

Джейсон довольно быстро осваивал новые технологии. Помимо самих занятий, он часто пропадал в библиотеке или в корпусе инженеров. Что-то разбирал-собирал, изучал, высчитывал. Особенно его увлекали технологии, которые управлялись силой мысли. Для меня все это звучало дико сложно, поэтому в подробности я не вдавался.

Несколько месяцев, что я провел «под арестом», стали отличной возможностью, чтобы обучиться магии лечения. Заживить небольшие раны кому-то я уже мог. Царапинки, синяки. Мелочи, проще говоря. Но себе заживить что-то пока не удавалось. Из-за боли я терял концентрацию, несмотря на то, что была эта боль небольшой и вполне терпимой. Как оказалось, магия – дело очень тонкое.

Глава I. Отделенный

*Картина за окном стремительно меняется.
Мне прежним больше никогда не стать.
Я знаю, в жизни всякое случается,
Всего, конечно, не предугадать.*

*И ждут меня опять за поворотом
Другие люди, новые дела.
И снова отдаю себя заботам.
Дорога новая зовет меня.*

*Я обещал себе еще вернуться,
Я говорил себе, как это сладко,
Когда ты можешь ото сна очнуться,
Когда дается новая загадка.*

Наконец-то, я нашел время и набрался решимости, чтобы заняться анимацией. Вклиниться в расписание одного из преподавателей было очень непросто, но Кобальт настаивал, что именно он научит меня быстрее всех. Поскольку сам я о местных светилах науки ничего не знал, то с радостью положился на опыт пернатого разбойника. В такой ответственный день он даже взялся лично сопроводить меня на мое первое занятие.

– Ты, наверное, страшно волнуешься, птенец? – как-то ехидно выкинул он, сидя на моем плече.

– Нет, я спокоен. Даже больше – я практически полностью уверен в своих силах. А что? Что-то не так? Есть что-то такое, о чем ты мне не рассказал?

Во взгляде ворона было что-то такое странное. Он как-то гаденько улыбался и почти хихикал. А тем временем мы уже подошли к полю анимагов – поляне под открытым небом, на которой и проводилось индивидуальное обучение. Попасть на нее можно было только через университетский корпус, пройдя вглубь коридора. Сама «комната» находилась за большими дверьми, будто выросшими из нескольких витых стволов, на ветках которых росли широкие листья, налитые свежей весенней зеленью. Я прошел внутрь, оказавшись будто в другом месте – чистое голубое небо, аккуратная невысокая трава, холмы. Чуть впереди виднелось озеро (или даже море), а правее вырастали кроны густых деревьев, образуя плотный лес. Мне нужно было свернуть левее – в чистое поле, покрытое всевозможными цветами. Там, по словам Кобальта, меня и должен был ждать профессор анимации Отто Донву.

Еще на подходе к нужному месту мои уши настиг какой-то недовольный крик. Он был громче всех прочих разговоров учеников и их учителей, раздавался каким-то гулом. Голос этот был будто немного писклявым, резким и несдержанным, но мне не удавалось разобрать слов в этом быстром лепете, пока я не подошел ближе.

Моему взору открылась картина словно из комедии о боевых искусствах. Или фрагмент из моего прошлого, когда я ходил на занятия по фехтованию. Щуплый старикашка, рост которого немного превышал метр, разорялся на всю округу, что было мочи. Стоял он ко мне спиной, так что разглядеть что-то, кроме красного плаща с золотыми оборками и торчащих из-за высокого воротника почти полностью поседевших ушей, я не мог.

– Как ты стоишь? Вот как ты стоишь! Бездарь! – разорялся старичок.

Он лупил длинной палкой высокого, почти в два метра ростом, юношу, который внешне очень напоминал эльфа, но имел зеленоватый оттенок кожи и кошачий нос. Впрочем, глаза его тоже очень напоминали кошачьи.

– А ну брысь с глаз моих! Занятие окончено! Чтобы к следующему уроку постарался как следует! – бросил старик и, бормоча что-то себе под нос, двинулся вперед по цветочному ковру.

Юноша с поникшим взглядом отправился в сторону выхода, посмотрев на меня с таким сочувствующим взглядом, что я замер, а по спине пробежал холодок, поставивший дыбом шерсть.

– А вот и твой преподава-а-атель, – мерзко протянул Кобальт, – Господин Отто, а вот и мы! – крикнул он старичку.

Я только и смог, что, разинув рот, изобразить статую. И только секунду спустя, очнувшись и неодобрительно посмотрев в сторону пернатого. Тот улыбнулся еще шире:

– Развлекайся, – и с этими словами он, спрыгнув с моего плеча, полетел в сторону выхода, разразившись задорным смехом.

Старик подошел ко мне поближе и поднял голову. Когда мы встретились взглядом, то я понял, что передо мной предстал очень старый фенек. На носу у него были маленькие овальные очки без дужек. Густые брови всем своим положением давали понять, что их владелец внимательно изучает меня. В шкурке этого старика практически не было ни одной шерстинки, которая не потеряла бы пигмент. Шерсть, тем не менее, выглядела отменно – ни одной проплешины или колтуна. Черный носик слегка дрогнул от порыва ветра, а усы словно потянулись в мою сторону, выражая интерес своего владельца. Плащ его, впрочем, был распахнут, раскрывая богатую одежду – бархатный зеленый жилет поверх желтой шелковой рубахи, золотые карманные часы на цепочке, черные брюки из какой-то приятной матовой ткани были идеально отглажены. Туфель он, однако, не носил, как и многие представители нашего вида. Он обошел меня несколько раз, внимательно разглядывая со всех сторон, а потом, сняв очки, обратился ко мне уже не таким взрывным и писклявым голосом, какой я слышал ранее:

– Конхунто¹? – старик прищурился.

– Да, Ваше мудрейшество².

Фенек заулыбался:

– Это отлично! Проще учиться будет. Кролик, да?

Я утвердительно качнул головой.

– Иди за мной, – профессор махнул своей палкой-тростью в сторону водоема, а я послушно последовал за ним.

Мы шли медленно, молча. Легкий ветерок доносил до меня аромат полевых цветов и прохладную влажность, как я теперь понял, моря. Воздух ближе к берегу пропах солью, но не такой жгучей и едкой, как это бывает в сильно просоленных водах, а едва уловимой, почти незаметной для менее острого нюха. Профессор заговорил:

– Знаешь, чем хороши конхунто?

– Нет. Чем же?

– Нам проще овладеть анимагией. Не потому, что мы обладаем предрасположенностью к ней, а потому что нам проще представить себя животными. В конце концов, мы – наполовину звери. Некоторые из нас, если быть точным. При должных навыках и рвении любого представителя конхунто можно научить обращаться за одно-два занятия. Признаться, у меня еще не было ни одного ученика, кто справился бы с первой попытки, – он замолчал и посмотрел на меня оценивающе, – И, я полагаю, ты не станешь исключением.

¹ Конхунто – общее название для смешанных рас. Например, зверозэльфов, шуванцев (наполовину людей, наполовину рептилий). В более частных случаях представители конхунто имеют определенное название, а порой даже вид. Конхунто-шуванец может иметь вид змеи, ящерицы и т. п. Профессор Отто отдельного названия расы не имеет, но относится к виду фенек. Чаще всего это название расы используют в отношении человека-зверей.

² Ваше мудрейшество – обращение к профессорам в Городе Совета, заменяющее повторение должности и фамилии (профессор Донву, например)

Откровенно говоря, я тоже так считал. Несмотря на то, что учился я всегда прилежно, не все давалось мне легко и просто. По крайней мере, о себе я уж точно знал то, что в моей жизни не было ничего такого, что я бы постиг с первой попытки, да еще и так, чтобы сделать это идеально.

Когда мы подобрались к линии берега, Донву остановился, глубоко вдохнул, закрыв глаза, а после медленного выдоха посмотрел на меня снизу вверх. Он сделала это не исподлобья, а прямо, почти искренне мне улыбнувшись:

– Однако же, я постиг сию мудрость с первой попытки. Поскольку я фенек, то и обращался в фенька. Нет ничего проще, чем стать тем, кем ты уже наполовину являешься. Следовательно, тебя мы будем обращать в кролика. К сожалению, внешнему воздействию магии метаморфоз наша раса не поддается. Я не могу просто взмахнуть волшебной палочкой и сделать из тебя кролика, хотя с рядом учеников такой фокус проделывать приходится. Только ощутив себя в теле нужного животного, они могут обратиться и сами. Кажется, ты хочешь что-то спросить? – вдруг его тон сменился на менее сосредоточенный.

– Да. Биологически, человек – тоже животное. И я наполовину человек. Если верить тому, что я знаю. Могу ли я обратиться человеком?

О том, что все конхунто в моем мире частично люди, я узнал еще в школе. Люди представлялись нам мифическими существами, которых никто и никогда не видел, как и драконы, о которых ходили одни только слухи, а писали о них разве что в сказках. Мы не очень ясно представляли себе то, как должен выглядеть человек, но всегда хотели увидеть его хотя бы на картинках. Спустя годы интерес к этим мифическим, как я думал, созданиям, угас.

– Нет, этому анимагия тебя не научит. Именно поэтому для миров, где люди – единственная разумная раса, воинам создают оболочки. И над твоей наверняка уже работают, – ответил профессор.

Он был прав. Уже какое-то время мне создавали человеческую маскировку, но о том, когда она будет готова, никто не мог мне поведать. Пабло и Кобальт рассказывали мне, что это процедура довольно сложная. Всякий раз она занимает разное время. Во многом это зависело от расы того, кому эта маскировка предназначалась.

Профессор велел мне смотреть на него внимательно. Затем он закрыл глаза, сделал еще один вдох, сощурился и прыгнул чуть вперед. Удивительнейшим образом, в прыжке он обратился в обычного зверя – фенька. На нем уже не было одежды, он изменился в размерах, а я не сразу понял, как у него это вышло. Мне казалось, что я моргнул, и за эту долю секунды передо мной сменилось существо. Причем произошло это настолько стремительно, что на мгновение мне почудилось, будто все это просто сон. Фенек пробежался вдоль берега, сделал небольшой круг, а потом уселся передо мной и заговорил:

– Конечно, мы не в состоянии стать животными полноценно. Я имею в виду, физически. Какие-то части тебя останутся, а какие-то – обратятся в нужную тебе форму. Но дар речи и способность мыслить у тебя не изменятся. Основная проблема таких превращений у большинства новичков – дезориентация. Резкое изменение в размерах, в росте, в положении может вызывать тошноту, нарушение вестибулярного аппарата и ощущение чужеродности этого тела и этого мира в целом. Как видишь, я стал значительно меньше. И ты станешь меньше, когда сможешь поменять свой облик.

Господин Донву снова прыгнул, и передо мной встал чуть сгорбленный старик. Он поднял с примятой и влажной земли свой посох и посмотрел на меня:

– Запоминай. Ключей к успеху несколько. Во-первых, ты должен максимально четко ощущать себя. Я имею в виду, физически. Ты не должен испытывать онемения ни в одной из своих мышц. Тебе не мешает боль, ранение, даже сломанная или оторванная конечность! Главное – полностью ощущать себя. Во-вторых, ты должен четко представить себе то животное, в которое обращаешься. Его размеры, расположение в пространстве, число конечностей, нали-

чие крыльев, плавников, хвостов. Сейчас тебе будет проще обратиться в кролика не только потому, что это твой конкретный вид, но и потому что в твоём теле практически все так, как должно быть у кролика. Ну и последнее, самое главное – концентрация. Насколько мне известно от Кобальта, тебе даровали возможность пользоваться магией. Ты должен ощущать особую энергию внутри себя. Ту самую энергию, которая создает что-то из твоей жизненной силы. То, что делает тебя сильнее. Первое превращение будет сложнее, но дальше это будет не сложнее, чем моргать. Закрой глаза, – он указал на меня тростью.

Медленно прикрыв веки, я снова ясно ощутил дуновение ветра и запах морской воды вперемешку с цветочными ароматами. Потоки воздуха пробирались через пучки шерсти, уши легонько качались от порывов влажного прохладного ветра.

– Стой ровно, не сутулься, – профессор не кричал, как это было ранее с другим учеником, – Вот так, отлично. Расслабься, но не качайся, стой твердо. Дыши медленно, ощути, как воздух проходит сквозь легкие. Ощути солнечный свет, который пытается проникнуть сквозь закрытые веки. Представь себе кролика. Небольшого и молодого. Его шерсть, переливающаяся на солнце яркой желтизной. Его мягкие белые лапки. Синие, как глубокое море, глаза. Это ты. Представь себе, что он – это ты. Ничего не говори, – фенек замолчал на несколько секунд, – А теперь – отыщи внутри себя магию. Она где-то там, глубоко в душе. Яркая искра, прохладная и невесомая, почти нереальная. Когда ты найдешь ее, напряги разом все свои мышцы. Тогда и только тогда, ты обратишься.

Я видел глубоко в своем воображении этого самого кролика на берегу моря, в прекрасной зеленой траве, покрытой ковром из красных цветов, напоминающих маки. Но дальше этой картины ничего не происходило. Как бы я ни пытался разглядеть искру магии, у меня ничего не выходило.

Профессор не сдавался. Он говорил спокойно, снова и снова пытаюсь провести меня по тропинке мыслей, словно за руку. Досадно, но все попытки были бесплодны. Мы пробовали обратить меня несколько часов, но ничего так и не произошло. Мне казалось, что старик вот-вот выйдет из себя, закричит и стукнет меня своей тростью, но он был на удивление спокоен.

Профессор глубоко вздохнул:

– На сегодня все. А не то у тебя голова лопнет от напряжения. Попробуй сделать это сам, пока мы не встретимся снова. Я дам знать о новом занятии Кобальту, а он уже передаст тебе время и место. Как я и говорил, не всем дано обратиться с первого занятия, так что не расстраивайся. Свободен.

С этими словами он развернулся и пошел прочь. Я лишь крикнул слово благодарности ему вслед, а он, не обернувшись, махнул свободной от трости рукой.

Собственно, я и не рассчитывал на то, что у меня сходу все получится, но мне хотелось освоить превращение с первой попытки. Наверное, в этом ошибка многих учеников. Каждому хочется, чтобы все давалось легко, без каких-то особых усилий, потуг и постоянных тренировок. Но правда в том, что учиться всегда непросто. Даже тем, кому многие дисциплины даются проще, чем остальным, рано или поздно придется столкнуться с тем, что заставит их изрядно попотеть. Но несмотря на все трудности, достигать своих целей невероятно приятно. И чем труднее был путь, тем ценнее для тебя твоя победа, даже самая маленькая. А те, кто получает все легко и просто, не обучены ценить. Они воспринимают то, что у них есть, как данность. Правда, до тех пор, пока не потеряют. Когда ты вынужден заново достигать то, что утратил, но с намного большими затратами, будь то время, усилия или здоровье, ты начинаешь ценить все, что имеешь и получаешь, намного больше. Кто-то сдаётся от мысли о том, что снова придется пережить все то же самое, если не больше. А кто-то, стиснув зубы, начинает сначала. Многое зависит от нас, хоть порой нам так и не кажется.

Погруженный в свои размышления, я даже не заметил, как оказался на улицах города. По своему обыкновению, я шел к Постоялому дому Мати. Там я встречался с ней и с Джей-

соном, и вместе мы организовывали себе досуг. Сегодня был тот самый день, когда занятие нам выбирала Мати (и так было почти всегда). Это был, без преувеличения, ее любимый день. С тех пор, как у нее появились друзья, девушка активно исследует город, заводя нас в новые места. Джейсон чаще всего выбирал что-то активное – плавание, лыжи, гоночный полигон. Мати же была настроена более одухотворенно – выставки, музеи, кино, представления. Я же выбирать не любил, поэтому часто отдавал свою очередь тому из них, кто первый поймает Вакки. Малышу такая игра очень нравилась, поэтому он с огромным удовольствием пытался обхитрить обоих, чтобы растянуть игру подольше, а своих преследователей заставить изрядно попотеть. Что удивительно, чаще всего Вакки пытался взять их хитростью, а не измором. Забирался куда-нибудь, где его сложно достать, а потом пролезал в какую-нибудь щель, чтобы оторваться от погони, заставив преследователей идти в обход. Но это была всего лишь одна из его хитростей, причем самая первая. Что касается меня – я мирно потягивал чай или что-то еще, наблюдая за догонялками. Признаться, с моей стороны это было не совсем честно. Заставлять друзей охотиться, а самому отсиживаться в сторонке, но они были не против, хоть и часто подшучивали надо мной по этому поводу. Нет, я не лентяй. Но все же считал, что право принимать решение надо заслужить. Впрочем, иногда Мати и Джейсон дружно отказывались играть, и тогда придумывать нам вечерний досуг все же приходилось мне. Чаще всего я водил их в оранжерею, просто слоняться по городу, в кафе с живой музыкой или выступлениями, а иногда предлагал вместе почитать книги или просто пообщаться в живописном месте.

– Малкольм, постой! – послышался крик у меня за спиной.

Обернувшись, я заметил, как ко мне стремительно приближается Рыжий. Он бежал, оглябая прохожих, сталкивался с некоторыми из них, просил прощения, продолжал бежать. Спустя несколько секунд, он настиг меня:

– За тобой прям не угнаться! – он тяжело дышал, – Кричу тебе, кричу, а ты не слышишь!

– Извини, задумался. Ты откуда бежал-то?

– От университетского городка. Занятия сегодня закончились чуть позже, а я побоялся опоздать на встречу. По правде, я увидел тебя только с моста, когда ты заворачивал в квартал. А кричать тебе начал, когда и сам до поворота добрался. Ну и скорость у тебя!

– Да, хожу я не прогулочным шагом, тут ты прав, – я почесал затылок, – Ты восстанови дыхание, а потом пойдем дальше. Успеваем. Кроме того, я уверен, что Мати не расстроится, если мы немного опоздаем. К концу ее смены успеем точно.

– Может, тогда заскочим в кондитерскую лавку? Сегодня день рождения у матери Мати. Кларк просил меня купить ей что-то вкусное к чаю, чтобы она могла отметить это событие, – широко заулыбался Джейсон.

– Хорошо, нам все равно по пути, – я взглянул на часы, – А с чего ты вообще взял, что опаздываешь? До конца смены еще долго.

Рыжий посмотрел на свои часы, потом на мои, а затем смачно вlepил себе ладонью по лбу:

– Не завел! С утра встали, наверное!

– И ты до сих пор этого не заметил? – удивился я.

– Понимаешь, я как утром встал, так сразу по делам побежал, как заведенный. Сперва заскочил на рынок, взял еды по списку, занес их Мати, там и для Вакки была еда. Потом в библиотеку, отдал то, что прочитал, взял другие книги. А дальше на весь день в университет, учеба до самого вечера. Хорошо, что Мат-Мат теперь иногда и в дневную смену работает. А то вообще бы не виделись.

И правда. Последний месяц у Мати появился еще один работник, который несколько облегчил ее труд. Теперь она больше отдыхала, меньше проводила времени за стойкой. Джейсон придумал ей дружеское прозвище – Мат-Мат. Причем оно понравилось и Кларку, но он называл ее так с какой-то нежностью, я бы даже сказал, с любовью. Мати же не отстала

от Рыжего. Она стала звать его Перчиком – в честь оранжевого сорта перца, очевидно. Со мной же все было просто – Мати осталась для меня со своим же именем, хоть изредка я и звал ее Матильдой. Пусть это и не было ее именем, ей все равно очень нравилось. Джейсон уже привык к тому, что я периодически зову его Рыжим. Ко мне они обращались так же, как и прежде, но порой и сокращали мое имя до Малк. Так и прижилось.

– Зачем ты вообще носишь заводные часы? У тебя же есть те, что выдавал Совет. Двое часов на руке смотрятся нелепо, – заметил я.

– Это часы моего дедушки. Отец подарил, когда я пошел в старшую школу. Так и не снимаю, – признался он.

По пути мы с Рыжим, как и договорились, заскочили в кондитерскую лавку. За прилавком никого не было, весь персонал был на кухне. Правда, к нам в зал выбежал один из кондитеров, в спешке сказал, что ему сейчас некогда помочь нам с выбором, но мы можем взять то, что приглянется больше, и уйти. В Городе Совета первое время удивляло то, что платить ни за что не нужно. Все, что так или иначе нужно было существам внутри города, можно было получить бесплатно. Записи вели, по сути, только для того, чтобы пополнять запасы и обеспечивать непрерывный поток товаров и услуг. С другой стороны, все, что было нужно воинам для их заданий, выдавали только по специальным документам. За передвижением воинов следили более тщательно (по понятным причинам). Конечно, поесть и развлечься им позволялось, как и горожанам, но в технологиях, картах и прочих необходимых для путешествий вещах у них было преимущество. Горожанам карту любого мира просто так не выдадут, оружием не обеспечат, поэтому в некоторые лавки, мастерские и магазины входили только определенные лица.

Джейсон посчитал нужным взять для Мати «конфетный» букет – это такие букеты, которые делали из ягод, покрытых шоколадом, кондитерскими посыпками, мармеладками и прочими вкусностями. И выкладывали все это так, чтобы было действительно похоже на цветы. Мы покинули лавку кондитера и неспешно отправились в точку назначения.

На улице уже смеркалось. Народ постепенно выползал наружу. Кто-то шел на работу, кто-то с нее возвращался, а кому-то просто захотелось прогуляться. Несмотря на то, что Джейсон обычно считал наши визиты куда-либо прогулкой, я больше склонялся к тому, что мы идем по делам. Наверное, мы оба были по-своему правы. С его точки зрения мы приятно проводили досуг. Веселились, гуляли, общались, посещали разные места. Для меня это каждый раз было списком дел – зайти туда-то, чтобы собраться с теми, кому я пообещал встречу. Сходить с ними туда, куда им хочется и уйти тогда, когда они посчитают нужным. Это совершенно не означало, что я не получал от этого удовольствия или считал чем-то обременительным, вовсе нет. Просто для меня все это являлось обязательствами. Я взял на себя ответственность прибыть в назначенное место в срок и сделать то, чего от меня ожидают. В первую очередь я выполнял обещания, а уже потом – получал от этого что-то и для себя. Как-то в школе, когда на всех учеников-первогодок составляли характеристику, первое слово, которым меня охарактеризовал учитель, было «ответственный». Конечно, там было еще много всего, но именно это он посчитал важным указать в первую очередь. Обычно учитель говорил о характеристиках детей их родителям или опекунам, но, поскольку у меня никого не было, он сказал об этом мне. Я выслушал его внимательно, на моем лице не было ни тени эмоций. В конце своего монолога он спросил меня:

– Ты сможешь и дальше жить один? Кажется, что ты сам по себе настолько давно, что мой вопрос просто нелеп, но все-таки... Ты же просто ребенок.

На пару секунд я опустил голову, вздохнул, а потом заговорил:

– Можете не сомневаться во мне. Ведь я, как Вы и сказали, ответственный.

После этого разговора он больше никогда не задавал мне подобных вопросов, а городские служащие, получив от него мою характеристику, оставили меня в покое, прекратив поиски тех, кто приютил бы меня. Несмотря на то, что изначально желающих приютить одинокого

ребенка нашлось немало, мое желание тоже учитывалось, а посему каждый раз, когда ко мне приходила добрая женщина из мэрии, я отказывался от опеки. Первое время приходилось туго, но город доброжелательно предоставил мне ежемесячные выплаты, которые покрывали все мои расходы на еду и прочие нужды. Добрые лавочники, зная о моей ситуации, нет-нет, да подкидывали мне чего-то из добрых побуждений – одежду, пищу, какие-то вещи для быта, старую мебель и стройматериалы, которые остались у них после ремонта. Со временем я нашел себе подработку, написал отказную от выплат и начал жить самостоятельно. Я был благодарен всем и каждому, кто помогал мне, но все равно ловил в их взглядах то, что не люблю по сей день. Чувство, которое навсегда опротивело мне – жалость. Они смотрели на меня и думали «бедняжка, совсем один, без родителей, да и вообще без родственников». Моя самостоятельность и годы не по годам взрослой жизни сгладили положение, и народ стал смотреть на меня как на равного. Казалось, что кто-то и вовсе забыл о том, откуда я пришел и кем я изначально был для них, но я помнил об этом. Помнил этот взгляд, полный сочувствия. Взгляд, который стал гораздо реже проскакивать в выражениях их лиц.

Когда мы добрались до постоянного дома, нас с радостным лаем встретил Вакки. Он начал тереться о наши ноги, но тут же застрял в ногах у Рыжего, заметив очень вкусный запах букета из сладостей.

– А ты и не прочь его слопать, да? – ехидно заметил я, взяв малыша на руки.

Вакки вилял хвостом, улыбался и не мог усидеть на месте, поэтому я посадил его на диван и отправился на кухню, чтобы поставить чайник. В это время Джейсон дождался у стойки Мати и вручил ей букет. Я услышал радостный смех, а потом на кухне появился Рыжий вместе с этим вкусным «гербарием». Он положил его на стол, уселся, а затем заявил:

– Сейчас придет. Умоется и переоденется.

Я кивнул. Пока мы ждали чайник, я спросил у Рыжего, какой напиток ему сделать. Он предпочел чай с лепестками горных снежных растений, а потом добавил, что Мат-Мат попросила налить ей такой же. Дабы не мудрствовать лукаво, я просто подготовил ингредиенты сразу на три чашечки. Когда чайник закипел, на кухне появилась и сама хозяйка заведения. Она приветливо кивнула мне, на что получила кивок в ответ. Комната наполнилась приятным ароматом трав с легким оттенком снежного утра – так я называл аромат, которым наполнялся воздух на улице во время безветренного снегопада. Знаете, такое зимнее, но теплое утро в штиль, в горах, когда солнце только встало, а ты выходишь на крыльцо из небольшого домика, вдыхая это самое приятное утро. И это навело меня на мысль, которую я озвучил позже. А тем временем Мати что-то очень эмоционально рассказывала Джейсону:

– ... И вот она заходит домой, а там, кроме шуток, отец с во-о-от таким, – она развела руки так широко, как только могла, – букетом солнечников³! Ты представляешь? Так вот, она так расхохоталась! А он и не понял почему.

– И почему же? – заинтриговался Джейсон.

– Это был тот самый букет, из-за которого она утром опоздала на автобус!

Рыжий захохотал вместе с Мати. Я же, упустив начало истории, только улыбнулся, расставляя чашки на столе.

– А у вас как прошел день? Что интересного случилось? – поинтересовалась девушка.

– Забегался сегодня. Да это и не важно! Все равно ничего интересного не случилось, – махнул рукой Джейсон.

– У меня, собственно, тоже, – ответил я, усаживаясь за стол.

³ Солнечники – ярко-желтые цветы, которые излучают небольшое свечение. Лепестки этих цветов очень нежные, напоминают непрозрачную вуаль. Ночью складываются в бутоны, напоминающие пионы, а днем раскрываются и колышутся на ветру. Растение очень легкое, воздушное, словно перья.

– Нет, так не пойдет! Ты же сегодня должен был учиться анимации! – воскликнула девушка, театрально взмахнув рукой вверх.

– Должен был, да. Только ничего у меня не вышло. Профессор говорит, что почти ни у кого с первого раза не выходит. Так что буду пытаться дальше. Ничего, что стоит вашего внимания, больше не случилось, – я отхлебнул горячего чая.

По телу разлилось приятное тепло, отдаваясь чем-то бархатисто-нежным в горле. Мои друзья принялись пробовать вкусы из кондитерской лавки, а я тактично отказался – голода не было, а что-то сладкое пробовать сейчас не хотелось.

– А потом поздно будет! Мы все съедим! – нарочито язвительно сказала девушка.

Джейсон согласно закивал головой, а Вакки, который все это время скакал по кухне, громко гавкнул, глядя на меня.

– Не сегодня, малыш. Ты съел уже слишком много, опять не уснешь! – строго заговорила с ним Мати, теребя его ушки.

– Ну всего одну, – начал уговаривать Джейсон.

Оба сдались довольно быстро, стоило только чудика встать на задние лапки. Сорванец получил свою долгожданную конфетку и потащил добычу в свою миску.

Спустя несколько минут обычной болтовни, Мати спросила:

– Куда сегодня пойдем? Кажется, теперь должен выбрать Малкольм.

Друзья посмотрели на меня с какой-то хитрецей в глазах, а потом одновременно повернули головы в сторону Вакки, который, доедая очередную добычу, резко остановился, замер на пару секунд, и, схватив еду, помчался опрометью прочь. Ребята уже было хотели сорваться, как я остановил их:

– Нет-нет, не сегодня. Я знаю, куда сводить вас обоих.

– А вот это уже интересно! – оживился Джейсон.

Мати кивнула в знак солидарности:

– И куда же мы пойдем?

– А вот это уже сюрприз. Допивайте чай и выходим, а я пока подышу свежим воздухом на крыльце.

Ребята продолжили пить чай, а Вакки, заметив, что я ухожу, вынырнул из-под дивана и вернулся на кухню за новой порцией сладостей.

За то время, что мы были внутри, сумерки сменились ночью. По небу расплылись туманности и звездные скопления, мерцающие и манящие, как лампочки на ярмарочных киосках. На крыльце уже загорелись фонарики с приятным желтоватым светом. В нем было что-то уютное и теплое, даже домашнее, я бы сказал. В этом небольшом островке искусственного света, мир за его границами казался каким-то волшебным. Мощеная дорожка уходила далеко в стороны, приглашая своими ответвлениями в другие гостиничные дома. Уличных фонарей на этой улочке не было – она была освещена только за счет неоновых вывесок и наружных светильников на крылечках каждого здания, а необычный камень, которым была вымощена дорога, отражал все это благолепие. Проходя по дороге туда-обратно в ожидании друзей, мне казалось, что я шагаю по цветным пятнам, плавно переливающимся друг в друга, плывущим и утягивающим меня за собой. В ночной тиши для полной магической атмосферы не хватало только соответствующей музыки, такой убаюкивающей мелодии.

Недели три назад Мати тоже повесила неоновую вывеску вместо обычной. Сегодня надпись горела приятным фиолетовым цветом, больше в голубой оттенок, чем в розовый. Время от времени девушка меняла цвет. Говорила, что делает это в зависимости от настроения, но я был уверен, что практически все время вывеска именно такая. По крайней мере, так было каждый вечер, когда я приходил к ней, хоть Джейсон и говорил, что однажды застал зеленый свет над входом.

Остановившись в нескольких метрах от крыльца, я посмотрел вверх, в звездную бесконечность. В эту безветренную ночь пляшущие светила мерещились мне снегопадом, настолько медленно летящим к земле, что снежинки казались неподвижными. В голове не возникало других образов и мыслей. Похоже, что именно сейчас я ощущал себя четко и ясно, лучше, чем было еще пару часов назад. Закрыв глаза, я представлял музыку. Тихую, приятную, волшебную. Именно такую, которую мне хотелось бы слышать сейчас. Мне не было холодно, не было никаких эмоций, все мысли ушли. Я испытывал покой, то и дело открывая глаза и таращась в необыкновенно прекрасное небо.

Сзади слышались разговоры и шаги – то были мои спутники на этот вечер. Они радостно улыбались и смеялись, а потом, настигнув меня, остановились и тоже устремили взоры к небу.

– Тебе так сильно нравятся звезды? – поинтересовалась Мати.

– Да, – коротко ответил я, не переводя взгляд на собеседницу.

– И чем же? – присоединился к разговору Рыжий, который явно обратился ко мне лицом.

– В них есть нечто особенное. Какая-то тайна, непостижимая и обворожительная. Не так уж важно, как далеко они от нас и что стоит за ними на самом деле. Но на таком расстоянии они создают нечто целое. Нечто такое, что заставляет меня завороченно смотреть на них снова и снова. Где бы я ни был, какие бы места не открывались мне, их объединяло звездное небо. Конечно, я слушаю, если скажу, что так будет везде. Есть места и миры, где солнце никогда не заходит, где оно не является единственным или где свет выглядит как-то иначе. Но мне искренне хочется верить, что куда бы я ни попал, везде будет мой вечный ориентир, моя духовная опора, мой жизненный компас – звездное небо.

Наступило несколько секунд благоговейного молчания. Его нарушил Рыжий:

– Так куда мы сегодня идем?

Оторвав взор от прекрасного неба, я посмотрел на товарища и улыбнулся:

– Туда, где я давно не был.

Когда мы добрались до места, Джейсон удивленно присвистнул:

– Это что еще за чудеса такие? Ты нас на опыты сдать собрался или как?

Перед нами возвышалось большое здание, которое больше напоминало исследовательский центр, хоть и находилось в районе не слишком отдаленном от индустрии развлечений – театров, кинотеатров, тематических парков и прочих радостей приятного досуга. Из-за того, что место это географически не очень-то располагало к посещению, многие горожане полагали, что там находиться им не стоит, но те, кому хватало любопытства, стали частыми гостями этого прелестного заведения. Несмотря на футуристический белый фасад, внутри здания все выглядело уютно и тепло, почти по-домашнему, как это бывает в небольших гостиницах где-нибудь в курортных местах. Я бы даже сказал, что главный зал со своим интерьером легко вписался бы в те лихие времена некоторых миров, когда города держали в страхе банды гангстеров. По обе стороны от небольшой стойки администратора возвышались две полукруглые лестницы, ведущие на второй этаж, но находился он настолько высоко, что я, пожалуй, с легкостью назвал бы его четвертым, а то и пятым. На потолке располагалась гигантских размеров золотая люстра с переливающимися в игре света кристалликами. Все помещение было оформлено в бордово-коричневых оттенках, а мебель из натурального дерева была обита различными тканями – от сукна до бархата – красных оттенков, хотя иногда резные элементы были искусно окрашены в золотую краску. Довершала всю эту роскошь лепнина в цвете античного золота, расположенная на потолке и стенах.

Молодой эльф за стойкой регистрации улыбнулся своим посетителям и обратился к нам своим бархатным голосом:

– Добрый вечер, господа и дама. Я полагаю, что это Вы записывались к нам сегодня? Господин Тернер и два гостя, верно?

– Доброго вечера. Все верно, – кивнул я.

– Приятного сеанса, – он протянул мне карточку от комнаты.

– А что это за место? – спросила у него Мати.

Но я жестом показал администратору молчать, прежде чем он успел что-то ей рассказать:

– Даю слово, ты сейчас все увидишь, потерпи еще несколько минуток, хорошо?

Девушка хитро и недоверчиво улыбнулась, но спорить не стала. Джейсон же стоял в полном недоумении, но дознаваться не решился.

Молча поднимаясь по лестнице со своими спутниками, я буквально ощущал, как крутятся метафорические шестеренки в их головах. Им хотелось догадаться самим, либо узнать от меня немедленно. Ожидание томило, но подогревало интерес.

Наконец, мы оказались у нужной двери. Я провел по замку картой, замок послушно щелкнул, и мы оказались внутри.

– Я не очень понимаю... – признался Джейсон, которому терпение давалось особенно тяжело, – Это – караоке? Два дивана, журнальный столик, какой-то экран на стене. В тебе проснулась тяга к музыке?

– Просто садитесь, – посмеялся я, – Сейчас вы все увидите своими глазами.

Прикоснувшись к небольшой панели под экраном, я закрыл глаза. По телу прошелся небольшой холодок, а потом я услышал восхищенные возгласы своих спутников. Когда я открыл глаза, мы сидели уже как будто в совершенно другой комнате – диваны остались те же, столик не поменялся, но комната стала как будто больше – стены теперь были сделаны из больших стволов, словно мы находились в избушке. Вместо двери возник каменный камин, а все остальное убранство окончательно дало мне понять, что затея удалась. Стены, на которой была панель и экран, тоже не стало – она отодвинулась далеко вперед, открывая вид к панорамному окну, из которого виднелся большой и прекрасный заснеженный пейзаж. Мы были в горах, в сумерках, когда только начало темнеть. Снаружи начали зажигаться фонари, виднелись одинокие звездочки. Все это казалось настоящим волшебством.

– Как ты это сделал? – Мати ахнула.

– В одном из своих путешествий во сне мне довелось побывать в мире, где была похожая технология, но более примитивная. Она так сильно восхитила меня, что я решил найти информацию о ней, узнать побольше. В библиотеке я выяснил, что в Городе Совета такая инновация имеется, но спросом особо не пользуется. По разным причинам, не спрашивай, – я отвернулся от друзей и уставился в окно, – И я подумал, что здорово было бы показать вам это. Насколько я помню, ты, Мати, не была в своем родном мире уже довольно давно. Зимы в этом городе не бывает. А ты, Джейсон, жил в городе, где зима приходила каждый год...

– ...И очень ее любил, – закончил он за меня, искренне улыбнувшись, – Ты тоже любишь зиму?

– Если честно, я не видел снега уже много лет. В Городе Солнца снежная зима не приходит никогда. Не сказал бы, что у меня со снегом в принципе связаны какие-то приятные воспоминания, – я снова повернулся к ним и улыбнулся, – Но я соскучился.

Они улыбнулись в ответ и заметно оживились:

– Чем займемся в первую очередь? – поинтересовался Джейсон.

– Пусть Мати решает первой. Уступим ей такую возможность? – обратился я к Рыжему. Тот одобрительно закивал головой. Девушка радостно хлопнула в ладоши и потерла руки:

– Нам нужна теплая зимняя одежда и еще некоторые предметы. Хочу слепить снеговика! – закричала она и разразилась счастливым детским хохотом.

– В шкафах наверняка что-то найдется. Я создавал этот домик под наши нужды. Тут даже еда на кухне имеется.

Мати бросилась к первому же шкафу, Джейсон проследовал за ней, а я принялся более подробно осматривать дом. На первом этаже была большая гостиная, в которой мы и очутились, а также кухня, столовая, санузел и кладовка. На втором этаже расположились спальни с балконами и отдельными ванными комнатами для каждого жильца. Снаружи, неподалеку от домика, была крытая терраса с джакузи, гриль и небольшой гараж со снаряжением – горные лыжи, сноуборды, парочка снегоходов.

Пока я слонялся по дому, ребята уже выбрали себе одежду, нарядились и выскочили на улицу, наказав мне не медлить. В шкафу нашлась одежда и на меня – штаны и куртка для лыжников, шапка, теплые перчатки.

На улице уже стемнело. Только фонари вокруг освещали падающие снежные хлопья. Ветра не было, какого-то особого холода не ощущалось. Несмотря на то, что туч на небе было совсем немного, луну из-за них нигде не было видно, а звезды смешивались со снежным вихрем, падающим с небес. Казалось, что это не снежинки, а сами звездочки падают на нас. Мягче и легче пуха, они приземлялись на землю, покрывая все вокруг белоснежным пледом. Горы вдаль было уже почти не видно, а сгущающийся лес внизу склона отчетливо чернел, сверкая лишь покрытыми снежными шапками верхушками крон.

Мои товарищи уже весело хохотали на всю округу, скатывая снег в большие комья и громя их рядом друг с другом. Мати взяла в рукавички горсть свежего пушистого снега и подкинула в воздух, радостно кружась, а потом плюхнулась в сугроб спиной, разводя руками и ногами:

– Снежный ангел! – крикнула она на всю округу и разразилась смехом.

– Кто? – не понял Джейсон.

– Как кто? – девушка встала и указала на фигуру, которая получилась от ее телодвижений на снегу, – Вот кто! Похоже на ангела, правда?

– Ах, вот ты о чем! Я о них читал, картинки видел даже. Действительно похоже! Вот это, – Джейсон указал на следы от рук, – Похоже на крылья. А ноги как будто платье. Да?

– Конечно, глупенький! – девушка снова засмеялась, а потом посмотрела на меня, – Ну, и что же ты стоишь? Давай к нам!

Мати схватила меня за руку и потянула к «запчастям» будущего снеговика. Мы вдвоем продолжали катать шары и складывать их согласно инструкциям девушки, пока я не осознал, что она лепит Кларка. Дальше дело пошло проще и быстрее. Пока мы с Рыжим довершали картину, вылепивая лицо, наша подруга сбегала в дом и принесла несколько вещей, которые сочла подходящими для нашего изваяния – зеленый плед, из которого сделала накидку на тело, два черных уголька, имитирующих глаза, и пустую коробку конфет в виде сердца, которую она, разумеется, поместила на место этого самого сердца.

– А? Похож? Правда ведь? – поинтересовалась она у нас.

– Определенное сходство есть. Кроме коробки, конечно, – усмехнулся я.

– Зануда! – она толкнула меня в плечо, засмеялась, и, резко развернувшись, повалила Джейсона в снег.

Они упали в сугроб и радостно захохотали. На миг мне почудилось, что им лет по девять – два ребенка, которые так сильно радуются наступлению зимы и возможности побеситься в снегу. Подав руки, я помог им подняться на ноги, после чего девушка изъявила желание выпить чего-нибудь горячего и погреться в домике. Одобрительно кивнув, я сопровождал их внутрь, велел переодеться, а сам пошел на кухню, чтобы сделать парочку бутербродов и поставить чайник на огонь. Джейсон и Мати были в снегу с головы до ног, в отличие от меня. Вдруг мне представилось, что в прошлых своих жизнях они, возможно, были братом и сестрой – точно так же бесились, порой не слушали родителей, убегали чуть дальше от дома, чем им позволяли, исследовали мир и отлично проводили время. Почему-то в этот момент я ощутил себя отрешенным. Мне не довелось как следует побыть ребенком. Зима была для меня перио-

дом, когда я искал всевозможные способы согреться и не погибнуть от голода. Так, разумеется, было не всегда, но последний такой год я хорошо запомнил.

В Мегалополисе зима была достаточно морозной несмотря на то, что в городе хватало источников тепла – теплотрассы, различные здания с отопительными приборами, трубопроводы и фабрики. На улицах часто разгуливал ветер, а вот деньков со штилем практически не было. Кроме того, с наступлением зимы солнце выходило редко, а световой день был довольно коротким. Поскольку в те времена я жил на улице, свой импровизированный дом – коробку – я закрывал большим куском картона, чтобы спастись от ветра и падающего внутрь снега. С одной стороны меня защищала стена кирпичного многоэтажного жилого дома, а прочие стороны (кроме входа) заносило снегом так, что он служил своеобразной защитой. Чтобы коробка не промокала, мне приходилось сооружать своего рода «матрешку» – я находил парочку коробок побольше и вставлял одну в другую, чтобы снег не попадал между ними. В сезон дождей спастись от влажности было невозможно, но это уже другая история. Сложнее всего было выбрать наружу после снежной ночи – вход заваливало снегом так, что приходилось прикладывать усилия, чтобы откинуть «дверь» и выбраться. При этом меня засыпало снегом сверху, а это пробуждало лучше всякого будильника. Ставить коробку где-то над люком с горячим паром было нельзя – снег надо мной мог растаять и замочить меня и мое убежище, а в такую погоду это стало бы прямым путем к неизлечимой и смертельной болезни. Честно говоря, каждый раз, когда я ложился спать зимней ночью, я был морально готов к тому, что не проснусь утром, но все равно не стремился поскорее уйти из этой жизни.

Чайник начал кипеть, а ребята вошли в столовую, которая была совмещена с кухней, и уселись за стол. Пока я стоял у кухонной стойки и нарезал свежий хлеб, они бурно обсуждали свое детство.

– ...И вот я взял ее за руки сзади и придерживал, чтобы она не упала. Начал катиться по озеру, а потом она набралась смелости и поехала сама. Вот так и научилась, – закончил свой рассказ Джейсон.

– А старшая сестра где была? – поинтересовалась Мати.

– Она приболела, лежала в кровати с температурой. Мама ей супчик варила, смотрела за ней. Папа бы с нами пошел, но он очень устал, поэтому наблюдал за нами из окна, пока читал книгу.

– Насколько я помню, – встрял я в разговор, расставляя на столе кружки и тарелки, – Стэйси старше тебя всего на год. Почему же с ней вас отпускали без присмотра взрослых?

– Отец говорил, что она ответственная, а я – взбалмошный и неконтролируемый, не думаю о безопасности, забываю про время и легко могу потеряться. А Нэнси... она еще малая совсем была, с ней у нас разница побольше будет.

– И как это, расти с двумя сестрами? – поинтересовалась Мати, грея руки о свою кружку с горячим чаем.

– Ну как тебе сказать... Раньше я думал, что неплохо было бы иметь младшего брата, а лучше старшего. Но потом понял, что с ними пришлось бы сложнее, чем с сестрами. Девчонки часто проводили время с мамой, а мы с папой могли побыть вдвоем, заняться тем, что им не нравилось. И я был рад, что он мог уделить время мне одному. А на день матери было наоборот. Он забирал сестер и вел их на весь день куда-нибудь веселиться, а я ухаживал за мамой. Готовил ей, уборку сам наводил, помогал с работой. Но это было не сразу. До семи лет папа уводил нас всех, чтобы мама могла побыть наедине с собой. Она в этот день брала выходной. А когда мне стукнуло четырнадцать, мы и вовсе оставались с отцом дома и делали за маму всю ее работу, а она с девочками ходила в город, чтобы развеяться. Проще говоря, папа всегда учитывал ее желания в этот день.

– А кем твоя мама работала? – спросил я, расставляя на столе варенье, шоколадную помадку и прочее вкусности, подходящие к хлебу.

– Она – домашний пекарь и повар. Мама готовила отлично, на всю округу. Начинала просто на нашей кухне, а когда заказов стало слишком много, отец пристроил к нашему дому магазинчик. Девочки начали помогать ей после школы, отец договаривался с поставщиками, а я помогал с тяжестями – расставлял продукты, которые нам привозили, инвентарь, за кассой иногда стоял. А через пару месяцев мы смогли нанять персонал, поэтому у нас с сестрами стало больше свободного времени.

Мати никак не могла согреться. Глядя на то, как она дрожит, я подкинул еще немного дров в камин, а потом взял в гостиной плед и укутал ее. Девушка поблагодарила меня и приступила к трапезе. Джейсон будто и вовсе не замерз – он сидел в футболке и даже не дрожал. Конечно, мы ощущаем температуру по-разному, я это знал. У Мати не было теплой шерсти, для нее такая погода опаснее, чем для нас.

Еда была довольно вкусной. Пока я хозяйничал на кухне, подумал, что неплохо бы сделать фондю из шоколада, что был в холодильнике. У нас было все, что могло бы прекрасно сочетаться с ним – клубника, булочки, зефирки, фрукты. Пожалуй, перед уходом мы обязательно попробуем это лакомство.

Еще некоторое время, пока мы грелись и перекусывали, ребята рассказывали о своем детстве, о зимних воспоминаниях, но я так и не поделился с ними ничем, что было со мной раньше. Проще было сказать, что все мои детские воспоминания угасли и канули в лету, утонули во власти времени. Не то чтобы я отказывался от воспоминаний. Мне просто не хотелось рушить ту радостную атмосферу, что сейчас царила, своим далеко не самым приятным детством.

– А знаете, чего мне хочется? – хитро прищурил глаза Рыжий, – Снежки!

Джейсон шумно поставил кружку на стол и уставился на Мати, которая звонко рассмеялась:

– Надеешься побить меня? Да я была чемпионкой в снежки! Ни один мальчишка с нашего двора не мог со мной сравниться! Пожалеешь!

– Это ты-то? – недоверчиво выпалил мой товарищ, – Мисс «каблочки-макияж»? Да я тебя в спортивном костюме видел не больше двух раз! Куда тебе со мной тягаться!

– Ой-ой-ой, посмотрите на него! Да у тебя соперников страшнее двух твоих сестреноч и не было никогда! Ух, я тебя!

Мати оставила кружку на столе и набросилась на Джейсона, теребя кулаком его загривок. Они помчались одеваться, а потом опрометью рванули во двор. Я же без спешки помыл посуду, убрал остатки еды в холодильник и включил на улице джакузи, чтобы прогрелось. На пульте управления поднял на террасе прозрачные «стены» – выдвижные стеклопакеты – чтобы тепло не уходило, а помещение нагрелось, а потом оделся и вышел к своим друзьям. Они уже чуть ли не по уши были в снегу к тому моменту, как я оказался на крыльце. Прятались друг от друга за сугробами, скамейками. Словом, они искали убежище везде, где только могли, пытаясь зайти к сопернику с тыла. Но, заметив меня, одновременно прицельно бросили в меня по снежку, попав в торс.

– Давай к нам! – крикнул Джейсон, нашедший свое убежище за ближайшим к домику деревом. Мати, улучив прекрасную возможность к атаке, спряталась за недавно вылепленным снеговиком и запустила снаряд в Рыжего, попав ему прямо в лоб, отчего парнишка не устоял на ногах и плюхнулся хвостом в снег.

– Вот это удар! – удивился он, – Кажется, у меня в глазах звезды видны!

– Это не у тебя в глазах, а на небе, глупенький! – расхохоталась девушка, – А я говорила!

– Нет, это не в небе, – он уставился на тропинку ведущую к домику.

Мати искренне беспокоилась о Рыжем и подбежала к нему, присев на корточки:

– Как голова? Не кружи...

Вот только договорить она не успела. Джейсон схватил горстку снега и отомстил за себя, прижав холодные снежинки к девичьему лицу так сильно, что девушка спиной плюхнулась в снег, пытаясь оторвать свою нежную кожу от преступника и обманщика, разразившегося громким гоготом.

Все это было мило и смешно, но с таким весельем пора было заканчивать. Я подошел к этим взрослым детям, помог им подняться на ноги, отряхнуться от налипшего снега, и отправил обоих переодеваться, наказав вернуться уже на террасу. Еще с минуту я молча стоял посреди улицы, вглядываясь в звездное небо. Облака рассеялись, снежинки с неба уже не падали, а вокруг было так тихо, что на миг мне показалось, что мы находимся на маленькой, совсем крошечной планете, которая затерялась где-то в далеком космосе.

Забравшись в теплую пузырящуюся воду, я впервые за день почувствовал себя по-настоящему расслабленно. Удивительно, как за весь день, мне так и не удавалось понять, что внутри всегда оставалось нечто, что не давало мне окончательно выдохнуть. Даже когда мне казалось, что я словно растворился в окружающем меня пространстве, все равно неведомые силы оставляли меня прижатым к земле, словно якорем. И только сейчас я смог ощутить этот незримый груз и разжать руку, отпустив его. Кажется, этим грузом было наличие рядом со мной кого-то еще – будь это преподаватель, друг или случайный прохожий. Понимая, что это состояние кончится в любую секунду с приходом моих друзей, я не стал даже пытаться ухватиться за него, отказавшись от попытки воспользоваться возможностью освоить анимагию. Мне хотелось просто насладиться тишиной и одиночеством.

Джейсон и Мати присоединились ко мне через пару минут. Они пришли тихо, почти неслышно. Не смеялись, не общались – просто молча уселись рядом, позволив себе утонуть в приятных ощущениях после долгого вечера.

– Мне кажется, я напрыгалась на неделю вперед, – нарушила тишину Мати.

– Это потому, что ты не привыкла. Сидишь там у себя на работе, особо не двигаешься. Вот и вросла в стул, – сказал ей Рыжий, не открывая глаз.

– Скажешь тоже! – махнула на него рукой девушка, – То на кухню сбегай, то у грузчиков принять товар, то в прачечную спуститься, то постоялец вызывает к себе. Вот и ношусь весь день по лестнице.

– Но этого же мало, – вклинился в разговор я, – К тому же, тут у тебя больше ноги напрягаются. Руками ты мало что делаешь, разве нет? Разгружаешь все не ты, в прачечной у тебя работница есть специальная, чтобы тебе с бельем не таскаться, да и к постояльцам ты ничего не носишь, ничего не забираешь. А тут изрядно пришлось руки поднапрячь. В чем я не прав?

– Прав, конечно, – вздохнула девушка, – А чего же Перчик тогда не устал? – она захихикала.

– Ну я же с техникой вожусь весь день. Случается мне и потаскать что-то, и придержать, и побегать. Нельзя научиться обращаться с техникой, если на практике ничего не делаешь. Так-то! – он торжествующе поднял палец вверх.

– А ты как-то и не особо повеселился с нами, Малкольм, – Мати толкнула меня в плечо своим белоснежным плечиком, – Не понравилось? Холодно?

– Нет, что ты. Просто я... – на миг я задумчиво посмотрел на звезды, – Как-то странно себя ощущаю. Как будто я сплю. С тех пор как мне довелось путешествовать во сне, мне трудно отличить реальность от сновидения. Теперь мне постоянно кажется, что я сплю, а это все – нереально. Может, так и есть, и я просто не могу проснуться от долгого сна на протяжении многих лет. И все это мне только... снится.

Девушка погрустнела. Я ощутил это нутром. Ей все еще было стыдно за то, как она поступила со мной, хоть и не по своей воле. Ее выбор был иллюзорным, ведь попытка послушаться высших слоев общества в Городе Совета повлечет за собой массу последствий. Я не знал этого

наверняка, но был абсолютно уверен, что выбор в подобной иерархии был чисто номинальным. Хочешь остаться тут – следуй правилам. А подчиниться такому существу, как Никос, можно сказать, правило. На самом деле, это даже пугало. А есть ли у меня право отстоять свою свободу? Или я так и останусь здесь, пытаюсь из раза в раз вырваться из кокона, который зовется воинством Совета? Могу ли я сказать свое окончательное «нет», или же меня будут возвращать в состав армии снова и снова? Мне, как и всем живым, хотелось верить, что в важных вехах нашей жизни, решение всегда остается за нами, даже если это не так.

Взглянув на девушку, я улыбнулся. Искренне, добродушно. Она заулыбалась в ответ, но как-то натянуто, а потом и вовсе отвела взгляд. Джейсон не заметил этой неловкости, все его внимание было поглощено сияющим звездным небом.

– Иногда мне тоже грезится, что я сплю, – признался Рыжий, – Но мне кажется, что когда я очнусь, то буду находиться в каком-то ужасном месте. В какой-то части своей жизни, которая причиняет мне боль. Мне думается, что мой сон намного лучше моей реальности. Думается, что я не заслуживаю того, что происходит со мной сейчас.

– Похоже, я поняла то, о чем вы говорите, – вдруг включилась в беседу Мати, – но у меня это происходит наоборот. Когда у меня все плохо, я искренне хочу верить, что все это просто страшный сон, а я вот-вот проснусь. Надо только приложить немного усилий, и я точно проснусь. Но, к сожалению, все это – реальность. И я никак не могу сбежать от нее. Надо просто пережить, перетерпеть, пересилить себя и ситуацию в целом. Так я чувствую.

И ее взор тоже устремился к звездам.

– Возможно, вся наша жизнь просто один большой сон, который никак не заканчивается, – заключил я, – Наш это сон или нет, но мы можем только смотреть его, принимать решения и верить в то, что это наш выбор, а не чей-либо еще. Но знаете, – они посмотрели мне в глаза, – Даже так я чертовски рад, что могу видеть этот сон с вами.

Ребята расплылись в улыбках. Весь остаток времени мы молча глядели на звезды, периодически прерывая тишину какими-то разговорами без смысла и цели. Пытались высмотреть какие-то созвездия, фигуры, что-то необыкновенное и притягательное.

От шоколадного фондю ребята отказались. Когда наше время в этом центре вышло, мы с Джейсоном проводили засыпающую Мати до дома.

Рассвет лизнул горизонт, мы шли вдвоем по дороге, разглядывая прохожих, которые начали выползать на улицы города по своим самым разным целям. Джейсон был рад тому, как мы провели этот вечер. По большей части, рад именно тому, что я наконец-то сам сделал выбор, а не предоставил его кому-то еще.

– Не хотел говорить тебе, но с тех пор, как ты завис тут, потеряв на время, я надеюсь, возможность путешествовать по мирам, ты словно начал таять. Тебе не хотелось ничего решать, да и идти никуда не хотелось. Не отпирайся даже, я-то вижу, что прав! Мне не так уж и важно, что о тебе там думают другие воины, граждане, члены Совета. Просто знай, что мы считаем, что ты все сделал правильно. Все мы: я, Мати, Кларк, Господин Мортэ. И, если бы Вакки мог нас понять, наверняка тоже был бы на нашей стороне. Совет решит, что оставлять тебя тут, взапрети, бессмысленно. Я более чем уверен в этом. Надо просто немного подождать. Ведь в этом все твои мысли сейчас? И не только сейчас. Я прав?

– Да, – тихо ответил я, глядя себе под ноги, – Это странно, но как бы я не пытался оставить эти мысли, они накрывают меня вновь и вновь. В каждом осуждающем случайном взгляде. Посмотри на существ вокруг нас. Сейчас, в рассветных лучах, по городу идут те, кто не знает о том, кто я, что я сделал. Но днем и ночью я то и дело встречаюсь со взглядами тех, кто мнит меня преступником, глупцом и своевольным бунтарем, не способным следовать простейшим правилам. Воины и сами по себе не особо улыбочивы, но глядя на меня становятся еще более хмурыми и обозленными. Недавно мы шли вдоль рынка с Кларком. Ты бы видел, как быстро меняются выражения их морд и лиц, когда они переводят свой счастливый взгляд с Кларка

на меня. Как в одно мгновение меня пронзают стрелы их осуждающих взглядов, как в их зрачках читаются сотни гадостей в мой адрес. А кто-то, особо не стесняясь, бросает в мою сторону едва слышное «нечестивый» или что-то подобное.

– А что Кларк?

– Он предпочитает игнорировать это. Не потому, что считает это пустяком, а потому что хочет, чтобы я не обращал внимание на этих пустобрехов. К слову сказать, ему и похвала их не нужна, зная, как они относятся при этом ко мне, даже не разобравшись в ситуации, а объяснять, что и как было, каждому встречному-поперечному – просто трата времени. Мне всегда было все равно на то, кто и что думает обо мне. С самого детства я то и дело ловил презрительные взгляды. Так почему же сейчас мне не все равно?

– Ты стал мягче, потому что завел друзей. Разве нет? – Джейсон слегка улыбнулся, глядя на меня с пониманием.

– Может быть, ты прав. А может я просто ощущаю в их лице незримую угрозу. Раньше меня ненавидели просто так, но делать с этим ничего не собирались. Это не их забота, у них было полно своих дел, более важных, чем какой-то уличный беспризорник. А тут – воины, готовые сделать все, чтобы сохранить массу жизней и миров в целостности и сохранности. А для них я – не просто беспризорник. Я – угроза всем им. Опасность, из-за которой они могут потерять все, к чему так долго стремились. Конечно, самосуд тут, в Городе Совета, едва ли кто-то устроит. Но что-то подсказывает мне, что в случае случайной стычки где-то за пределами этого мира, особо агрессивные существа не станут со мной церемониться.

Мой друг надолго замолчал. Судя по выражению его лица, он что-то усердно обдумывал. Так мы шли до самой библиотеки, поглощенные тишиной рассветного утра и собственными думами. Мы попрощались, он пожелал мне удачи, а я направился в сторону фонтана на площади, где меня уже наверняка ждал Пабло.

Глава II. Новый лучший враг

*Снежной корки треск, запах зимней стужи
Вдруг напомнят мне: я кому-то нужен.
Зимняя пурга, холод темной ночи
К памяти взывают. Худшей, между прочим.*

*Волчий вой в глуши, запах свежей крови.
Мне не в первый раз тяжело на просторе.
Звери наступают в полной тишине.
Я не понимаю, что пророчат мне.*

Харфанг сидел неподалеку от фонтана, заняв ближайший столб. Поскольку к моему приходу на улице уже рассвело, он сидел, прищурив глаза, периодически совсем их закрывая. Не то чтобы свет причинял Пабло какую-то боль или доставлял некий дискомфорт, просто с наступлением рассвета его всегда сменял Кобальт, а сам харфанг к этому времени складывал свои полномочия и ложился спать, предоставленный самому себе. Он заметил меня не сразу, а только тогда, когда я проходил мимо фонтана, направляясь в сторону нужного столба. Пернатый прыгнул вниз, сделал небольшой кружок вокруг плескающейся воды, а потом мягко сел на мою вытянутую руку:

- Я ждал тебя немного позже, Амиго. Думал, что успею вздремнуть, – признался Пабло.
- Сегодня закончили пораньше. Возвращаемся к Никосу?

Он по-совиному «угукнул», и мы пошли в сторону армейского квартала.

В том районе располагались в основном порталы, ведущие в миры наставников. Воины перемещались из миров в город и обратно так часто, что центральный портал такой поток не потянул бы, да и предназначался он для других целей, а посему для воинов отстроили отдельный квартал. Он представлял из себя не очень высокие, но протяженные здания, каждое из которых предназначалось для своих целей. Сами же воины прозвали этот квартал порталным – по его функциям, разумеется. В самом большом здании было очень много комнат-капсул с порталами и панелями управления, в которых задавался мир наставника, к которому было нужно попасть. Остальные здания служили в основном для быстрых перемещений, потому возможностями поменять настройки они не обладали. Так можно было попасть в самые разные части города: на арену для совместных тренировок, на рынок и в массу других мест. Таким образом, удалось уменьшить число лишних перемещений внутри порталных коридоров – чтобы попасть из мира наставника на рынок было совершенно не обязательно пересекать весь город, а вот если тебе было нужно из одной части города оказаться в другой, то заходить к наставнику не было необходимости. К сожалению для простых граждан города, такими порталами им пользоваться не удавалось – дара к перемещениям у них не было, а ставить специально несколько тысяч существ на то, чтобы те открывали порталы и вели за собой горожан, было бессмысленно – тех, кто способен перемещаться, и без того было не особенно много (а с каждым днем становилось все меньше), так что, было решено не растрчивать их дар на такие мелочи.

Для обычных жителей придумали массу других способов курсировать между частями города, не теряя много времени – линия монорельса, метро, летающий транспорт, воздушные коридоры и много чего еще. Если время позволяло мне, то я предпочитал передвигаться на своих двоих, но порой приходилось бегать из портала в портал. Признаться честно, от слишком частых перемещений порой кружилась голова, но со временем я стал выносливее, поэтому проходить через несколько порталов за час было для меня так же просто, как пройти через дверь. Однако использование такого быстрого перемещения внутри города разительно отлича-

лось от перехода между мирами – там требовалось куда больше выносливости. Не физической, разумеется. Тут такую выносливость называли особым даром. Ходили слухи, что много миллионов лет назад некоторые воины так часто перемещались между мирами за короткие промежутки времени, что их ментальное здоровье приходило в полнейшую негодность, а жизнь они заканчивали в прострации, окончательно теряя связь с реальностью. К счастью или к сожалению, в наше время не было нужды так часто и так скоро прыгать из места в место, поэтому поверить такие слухи не представлялось возможным. Впрочем, особым желанием я и не горел.

Как только мы перешагнули порог мира, в котором находился мой наставник, Пабло мгновенно покинул мое плечо и отправился спать. Кобальта тоже нигде не было видно, поэтому я посчитал этот момент самым подходящим для разговора, который так долго откладывал.

– Ты пришел. Хорошо, – холодно бросил мне старый пес, даже не оглянувшись на меня.

Он возился с консолью, перебирая какие-то документы. Читал он их или заполнял, – мне было безразлично.

– И тебе доброго утра, – так же холодно ответил я, – Есть разговор.

Пораженный такой фразой, Никос повернулся ко мне, снял очки и аккуратно водрузил их на специальную подставку на своем столе. В его взгляде читалось не столько удивление, сколько возмущение. Словно маленький комарик пришел с какими-то требованиями к большому киту. Пес вальяжно развалился в своем кресле, упираясь в меня тяжелым взглядом. Надвинутые на глаза густые и седые брови делали его взор еще более давящим. Никос даже не соизволил подняться с кресла, не предложил мне присесть. Он был хозяином этого места, и всем своим видом давал мне понять, что я не в том положении, чтобы возмущаться.

– Зачем ты сделал это? Зачем заставил Мати опохмелить меня этим... этим... – я не мог подобрать подходящее слово – Этим веществом, которое могло меня убить?

Никос многозначительно покашлял, встал с кресла, прошел чуть выше по склону и остановился, сложив руки за спиной. Теперь он не вонзался в меня тяжелым взором – он снова подставил мне спину.

– Что ты знаешь о нашем положении, Малкольм?

Его вопрос поставил меня в тупик:

– Нашем – это чем? Кого ты имеешь в виду? Тебя? Совет? О ком идет речь?

– Это не важно. Я могу не уточнять. Ведь ты все равно не сможешь мне ответить, не так ли? – он немного помолчал, – Я говорю о воинстве. Что ты знаешь?

– Что воинов становится меньше с каждым днем. Что не каждый может стать воином. Что кто-то отказывается от такой жизни.

– Но при этом ты не в курсе, сколько приходит новеньких, скольких важных существ мы теряем, как сильно расползается по мирам невидимая рука врага. Ты не знаешь и капли из всего необъятного океана наших забот и проблем. А правда в том, Малкольм, – он не отрывал взгляда от горизонта, – Что наше положение становится хуже день ото дня. Знаешь, почему мы позволяем кому-то отказаться от перемещений по мирам? Потому что мы даем выбор. И мы не пытаемся препятствовать вашему выбору. Но ситуация меняется. И все эти изменения происходят не в нашу пользу. И будь я проклят, если не попытаюсь что-то сделать с этим, – он повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза, снedaемый гневом от несправедливости бытия и пережитых потерь, – И будь я дважды проклят, если позволю хорошему воину отсиживаться в стороне!

Последнюю фразу он практически прокричал мне в лицо, оставив у меня в душе легкий налет недоумения.

– Я бы не трогал тебя, оставил в покое и позволил спокойно жить дальше, вносить свой небольшой вклад в наше дело, как это делают все в этом городе. Видит создатель, я всем своим подопечным желаю только лучшего, я никогда не бросал их в бой без сожалений и всегда переживал за их жизнь. Всем, кто хотел уйти, я позволял уйти, хотя не каждый наставник идет

на это. Ты можешь злиться на меня, ненавидеть, проклинать, но, если бы я только мог подарить тебе покой и безопасность, я бы сделал все для этого. Но я не могу, Малкольм. После стольких воинов, что прошли через меня, я научился определять тех, кто способен выстоять, способен что-то изменить и при этом не рехнуться. И я не просто верю, я знаю, что ты из тех, кто способен после всех ударов судьбы встать и идти дальше. Тебе может быть больно, ты можешь страдать, съедать самому себе мозг, но все равно продолжить эту битву. А это дорогого стоит. Во многом ты стал таким из-за твоего прошлого. Я не берусь судить тебя, я никогда не пытался узнать о нем. Но то, что я уже знаю, позволяет мне с уверенностью сказать, что ты один из тех, за кого стоит держаться в этой проклятой войне. Разве я не прав?

Мне казалось, что он сейчас заплачет. Его чувство несправедливости было настолько сильным, что практически сочилось из него потоками энергии, пронизывающими все вокруг. Он оставил меня без слов. На мгновение я даже пожалел о том, что затеял этот разговор. Старый пес подошел ко мне и положил свои руки мне на плечи:

– Мне бы очень хотелось, чтобы ты избежал всего того, что довелось пережить погибшим под моим присмотром воинам, – он говорил тихо и спокойно, – Но правда в том, что тебе предстоит не только пройти через весь тот ужас, через который прошли они. Тебя впереди ждет нечто более мерзкое. И тебе придется проходить через это снова и снова. Пока мы не победим... или пока не проиграем. Я только надеюсь, что ты сможешь выжить в этой войне. Ты можешь не верить мне, но я точно знал, что ты вернешься. Вот только ждать, пока ты созреешь, не было времени. Я готов попросить у тебя прощение за это, если ты способен простить меня. И не вини в этом Мати. Какой бы хорошей она ни была, в этом городе у нее нет права слушаться приказов Совета.

Убрав его руки со своих плеч, я закрыл глаза:

– Я не злюсь на тебя. И на нее я тоже не злюсь. Просто... не понимаю. Ты прав, я не понимаю очень многого, что происходит в этой войне, – я посмотрел ему в глаза, – Но могу дать тебе слово, что буду бороться до последнего вздоха. Даже если бороться мне придется с самим собой.

Старый пес улыбнулся мне и внезапно обнял:

– Мне очень не хотелось снова к кому-то привязываться, но вот опять та же самая ошибка. Не подведи меня, мой мальчик. Но что важнее всего – не умри. Ты понял меня?

Мой кивок послужил ему ответом.

Разговор пошел совсем не по плану. Но я все равно узнал ответ. Никос просто готов сделать все, что нужно, чтобы прекратить войну, прекратить бессмысленные жертвы и помочь всем просто жить свою небольшую и счастливую жизнь. К тому же, если господин Мортэ прав, и с погибшими воинами происходит нечто странное, то эта жизнь может оказаться для нас последней. Как бы печально это ни было, но до конца этой войны еще очень далеко. А если мы не будем бросать на нее больше ресурсов, то рискуем проиграть, так и не дожив до финального сражения. И пусть я не очень представлял сейчас за что именно мы боремся, с кем боремся и почему, я узнал об этом намного позже. И можете мне поверить, – Никос просто не мог поступить иначе.

– Наверное, это еще не все, о чем нам нужно поговорить? – поинтересовался я.

– Ты прав. Мне удалось добиться для тебя положения воина. Перемещаться по мирам ты будешь, но тебя... не могу подобрать слово лучше, – понизили.

– Понизили? Это как? У нас что, есть какие-то звания?

– Званий нет, – усмехнулся пес, – но есть репутация. И твоя репутация теперь подпорчена. А потому сейчас тебя будут отправлять на те задания, которые не требуют среднего или высокого уровня ответственности. Вам, воинам, эту статистику не показывают. Кроме того, вы в ней просто не разберетесь. Но у нас есть важные задания, очень важные, срочные, не очень важные и так далее. Понимаешь? И если раньше ты был чуть выше самой низкой ступеньки, то

теперь ты снова начнешь подниматься вверх, начиная с самой земли. Я бы даже сказал, с подземелья. Прости за эту шутку, – он даже улыбнулся.

– И что же мне поручили сейчас? Полагаю, я тут ради этого? Новое задание, так?

– Все правильно. К нам поступил сигнал бедствия из одного мира, но сообщение оборвалось. Твоя задача – добраться до того места, откуда было прервано вещание, узнать в чем причина запроса, а потом вернуться сюда. Одному! Как бы тебя не упрашивал тот, кто этот сигнал отправил, в это место ему попасть не дано. Перед перемещением Кобальт отметит тебе точку назначения, а еще и все потенциальные порталы в радиусе сотни километров. В том мире точки перемещений держатся долго, но точно предугадать время их исчезновения или нового расположения невозможно. Поскольку связи у нас не будет, тебе придется искать выход самому. Если один портал не работает, иди к другому. И так до тех пор, пока не вернешься сюда. Тебе нужно только узнать причину сигнала о помощи, не помогать! Лучше не злить Совет. Сейчас ты там и без того на плохом счету. Повтори, что нужно сделать, – он посмотрел на меня взглядом строгого родителя.

– Найти точку назначения, узнать причину сигнала, какая требуется помощь, а потом вернуться сюда. Одному.

– Отлично, – он поднял одно ухо, – А вот и Кобальт.

За моей спиной послышался шум крыльев. Белоснежный пернатый товарищ приземлился ко мне на плечо:

– Все сделал, как вы велели. Птенец проинструктирован?

– Практически да. Остальное ты расскажешь ему по дороге на рынок. Предписание у меня на столе. А у меня тут еще много работы.

С этими словами старый пес вернулся к консоли, перебирать бумаги.

Кобальт ловко пролетел над столом, прихватив предписание, загруженное на электронный носитель, а потом направился в сторону портала, бросив мне громкое «не тормози».

Мы направились к portalу, чтобы попасть на рынок, собирая меня в путь.

– Тебе понадобятся теплые вещи, птенец. Твоего оперения не хватит, чтобы выдержать такие низкие температуры.

– Там зима, значит?

– Нет, не совсем, – ворон приземлился на мое плечо и клювом почесал себе бок под правым крылом, – В том мире произошла катастрофа, в результате которой наступила вечная мерзлота. Климат изменился настолько сильно, что теперь он держится на одном и том же уровне. Смены сезонов не происходит, а температура колеблется в небольшой амплитуде значений. Снег там больше не тает, солнце из-за облаков выглядывает редко. Деревья больше не растут, поэтому, сам понимаешь, горячее топливо для местных дорожек самых редких драгоценных камней. Чтобы ты не замерз, на всякий случай, мы дадим тебе кристаллы, которые излучают тепло, когда соприкасаются.

– Кажется, чем-то таким пользовался Джохом, когда мы с Кларком встретились с ним.

– Да, именно. Они самые. Два небольших кристалла огня можно держать в нагрудном кармане – они тебя согреют при необходимости. Но побереги их на крайний случай – чем дольше они взаимодействуют, тем меньше становятся. Соответственно, меньше тепла. Пока их совсем не станет. А тогда уже, сам понимаешь, ничто тебя не согреет. Еще ты получишь три кристалла побольше – чтобы развести костер. Вряд ли они тебе пригодятся, но не повредят точно. Держи их в специальных отдельных мешочках, с которыми получишь весь набор. Они выделяют тепло только при взаимодействии друг с другом. Большие образцы близко к себе не держи – получишь ожоги. А еще они работают в воде, так что-то это отличный способ, чтобы нагреть себе немного питья. Еще тебе понадобится что-то из оружия. Бери что полегче и что, на твой взгляд, будет полезнее. Места там дикие, мало ли что пригодится. Ах, да, чуть не забыл, полая моя черепушка! Постарайся вернуться как можно быстрее. Насколько я знаю, столь дол-

гое воздействие местного фона на существ твоей расы может вызвать некоторые неприятные заболевания.

– Это какие же?

– Отек легких, например. Не смертельный, эта болезнь у вас называется дыхательной лихорадкой. Болел ей когда-нибудь?

– Было в детстве, помню. Очень неприятная штука. Сильный кашель, давящая боль, затруднение дыхания. И лекарство от этой гадости еще такое дорогое и редкое.

– Лекарство-то у нас найдется, но при таких низких температурах тебе будет трудно, пока ты не вернешься.

– Да, я понимаю.

Мы прошли по рынку с предписанием. Забрали все, что нужно: одежду, оружие, карту, кристаллы.

Я предпочел обойтись небольшим перочинным ножом и облегченным луком со стрелами. Думаю, с этим пробираться по сугробам будет не так трудно. Из одежды мне дали толстовку с капюшоном (в котором были вырезы под уши, разумеется), легкую, но очень теплую курточку, свободные штаны с карманами, расположенными по бокам, чуть выше колен.

Снарядив рюкзак всем необходимым, мы с пернатым товарищем направились напрямиком в порталный район города, воспользовавшись кратчайшим путем.

– Значит так, – начал мой пернатый друг, – На карте я пометил тебе место назначения. Насколько я понял, твоя цель находится в радиусе двухсот метров от отметки. Открой карту, – Кобальт дождался, пока я выполню его просьбу, а потом клюнул красную точку на экране, – Вот это место. В глухом лесу.

– И почему сигнал пришел оттуда? Может, кто-то просто заблудился? Зачем было посылать сигнал сюда?

– Полагаю, мой пушистый друг, что не все так просто. Если бы кто-то просто заплутал, то к нам обращаться бы не стал. Подать радиосигнал в Город Совета в разы сложнее, чем куда-то в своем мире. Выясни, кто и зачем отправил нам зов о помощи, а потом сразу же возвращайся. Как сказал бы Пабло, *comprende*?

– Понял. Но все равно все это выглядит как-то...

– Подозрительно? Согласен. Именно поэтому отправили тебя, а не кого-то еще. Прозвучит очень цинично, но рисковать воинами сейчас никто не хочет, а ты, вроде как, провинился. Так что, теперь искупляй свои промашки, – он сказал это как-то грустно, с ноткой сожаления.

– Ясно. Теперь я стал пушечным мясом, что-то вроде того?

– Хотел бы я сказать тебе, что это не так, но ты ж не дурак, птенец. Я это знаю, ты это знаешь... И, раз уж на то пошло, Совет тоже это знает. Но все равно считает необходимым поставить тебя на место. Даже если это будет стоить тебе жизни. Уж прости.

– За что? Вы в этом не виноваты. Более того, я уверен, что Никос боролся за меня, как мог. Теперь есть только одна дорога – нужно вернуть себе свое доброе имя.

– Рад, что ты относишься к этому с пониманием. Счастливого пути, друг мой!

Кобальт махнул крылом, взлетел и был таков, оставив меня на входе в портал, который он успел подготовить, пока мы общались.

Первое, что встретило меня в новом месте – промозглый холод, ледяной ветер и сильный снегопад. В такую погоду пробираться к точке назначения будет крайне тяжело. Нужно срочно найти укрытие и переждать, пока хотя бы снег не утихнет. Ветер тоже был не особо приятный, но он хотя бы не закрывал мне обзор, хоть и поднимал в воздух снежинки со снежных барханов, застилающих все вокруг. При такой сильной метели рассмотреть что-то дальше собственного носа было просто невозможно. Кое-как оценив обстановку с помощью подсвеченной карты в часах, мне удалось обнаружить небольшую пещеру буквально в километре от моего местоположения.

Однако этот проклятый километр дался мне с большим трудом: брови и ресницы мгновенно обледенели, от низких температур ощущалась боль в глазах, которую только усиливал снег, бьющий прямо в морду, а ноги постоянно проваливались в снежную порошу, сопротивляясь мне, и все глубже утаскивая вниз, как зыбучие пески. К моей большой неудаче, идти пришлось как раз против ветра – самый отвратительный путь в такую погоду.

За двадцать минут, что мне пришлось добираться до убежища, погода не успокаивалась ни на минуту, пытаясь все с новой и новой силой обрушить на меня всю свою ярость. Окончательно обледенев, я пробрался в пещеру на несколько метров вглубь, а затем воспользовался спасительными кристаллами, чтобы обогреться. Путешествие началось, что называется, не с той ноги. Пусть стены в пещере и покрывал лед, но внутри было как-то слишком влажно и потому мертвецки холодно. В какой-то момент мне даже стало казаться, что там, снаружи, даже теплее, однако это было иллюзией. Кристаллы чуть обогрели меня, такого сильного ветра внутри не было (только легкий сквознячок), а волны из отвердевшего снега не стучали по мне со страшной силой. Снаружи снегопад казался мелким, но очень неприятным градом.

Кристаллы огня дарили мне не только тепло, но и свет, который позволил получше рассмотреть мое временное укрытие. Обледеневшие стены отражали желтоватый свет, переливаясь и играя различными цветами радуги. Было в этих ледяных стенах что-то необыкновенное, не как в обычной застывшей воде. Не знаю, что именно, но они выглядели как-то волшебно и нереально, словно это часть чьего-то дворца в горах, а не забытой пещеры где-то посреди пустого поля.

Потолок внутри оказался ровным, сосульки с него не свисали. Он был настолько высоко, что свет от моего импровизированного костра едва дотягивался ровными лучами, чтобы подарить мне возможность рассмотреть потолок подробно, но там явно было что-то интересное.

Я встал в полный рост, не отходя от теплого костра, зажег фонарь в часах и посветил наверх. К моему большому удивлению, на потолке пещеры находились различные рисунки, разобрать которые мне удалось не сразу – снизу они выглядели очень мелкими. Кто-то начертал их словно в толще льда – они будто были выточены внутри прозрачной корки. Одни рисунки напоминали животных, другие – людей, а третьи – конхунто. Наверное, все эти виды были обитателями этого мира. Впрочем, мне только предстоит это узнать. Рисунки выглядели очень схематичными, неаккуратными и спешными. Мне было трудно понять, что именно пытался изобразить художник, но порой казалось, что звери хотят съесть людей на этих изображениях. Роль конхунто во всей этой визуальной истории я так и не понял. Отходить от теплого костра мне совершенно не хотелось, но я отчетливо видел, что этот гигантский разрисованный потолок простирался глубоко внутрь пещеры.

Через полчаса ветер улегся, оставив после себя только редкий снегопад. Теперь снаружи значительно потеплело. Яркое голубое небо накрывало небольшими облаками, ронявшими крупные хлопья снега на поблескивающие от солнечного света сугробы. В воздухе пахло прохладной свежестью, а где-то вдали виднелись взмывающие в небо танцующие ветки дыма (повидимому, от печных труб). Сверившись с картой, я проложил маршрут как раз через это поселение – вниз по холму. Свежий снег все еще заставлял меня вязнуть и с трудом передвигать ноги, но спустя несколько километров идти стало проще – в небольшой лесной местности основная масса снега осталась на деревьях, позволяя мне передвигаться по уже застывшей корке белого ковра из снега, так приятно хрустящего под моими ногами. В какой-то момент я подумал, что люди весьма предусмотрительны в отношении холодной погоды, учитывая отсутствие растительности на конечностях – они носили различные ботинки, валенки, сапоги и прочие прелести, защищающие их хрупкие тела от переохлаждения. В моем мире мы такой необходимости не испытывали, в большинстве своем. Хотя, признаться, некоторым существам обувь все же требовалась. В жаркую погоду, например, ходить по раскаленному песку было крайне неприятно, поэтому носили шлепанцы. У земноводных и рептилий шерсти

на ногах и вовсе не было, поэтому они являлись основными потребителями (и распространителями, к слову) обуви. Птицы-конхунто тоже порой пользовались обувью, но большинство из них все же перелетали горячие поверхности, если им позволял организм. Будучи некогда жителем города, в котором были холодные зимы и жаркие летние месяцы (это я о Мегаполисе, разумеется), обувью я никогда не пользовался, привыкнув к различным температурам. Кроме того, денег на обувь у меня не было, достать ее я не мог, а красть мне совершенно не хотелось. Впрочем, в Мегаполисе я жил не так уж и долго, чтобы это стало какой-то проблемой.

Сейчас мне было не то чтобы жутко холодно идти по снегу. Скорее, несколько неприятно. За многие годы я отвык от этого, проживая в теплом Городе Солнца. Оказавшись там, мне удалось оставить в прошлом попытки укрыться от дождя и снега, промозглого ветра и невыносимо тяжелой холодной влажности в воздухе. Жара, впрочем, была и в Городе Солнца, но там она казалась не такой уж мучительной и душной, как в огромном городе. Хотя тропические дожди тут были более проливными, нежели в Мегаполисе. Несколько секунд вполне хватало для того, чтобы промокнуть насквозь. Весной случались небольшие наводнения, когда море и река разливались в берегах на несколько метров. По этой причине дома не строили слишком близко к береговой линии. А те, что все же строили, располагали на высоких сваях. Такие домики на берегах мы называли бунгало. У некоторых жителей дома были плавучими – непосредственно в море. Для них фундаментами служили специальные водоросли, растущие из морского дна.

В местах их скопления сплетали фундаменты, а полая основа этих водорослей не давала дому потонуть, однако такие здания были небольшими и одноэтажными – на большее они были просто неспособны из-за риска утопить жилище. Постоянно в них никто не жил, это было что-то типа летнего домика. Во время бури они пустовали, оставалась только мебель, да и та вся плетеная. Впрочем, еще ни разу не было инцидента, чтобы домик утонул или оторвался от фундамента и уплыл в открытое море.

Спустя некоторое время, мне удалось добраться до поселения. На первый взгляд оно казалось запустевшим, немного разрушенным, будто последние жители покинули его несколько лет назад. Однако печи в домах активно пыхтели, выдыхая через трубы ровные струйки дыма. На улице было девственно пусто. Ни один звук из домиков не нарушал оглушительной тишины вокруг, только мои хрустящие шаги гулко разносились по округе. Окна, судя по всему, были плотно занавешены какими-то одеялами или другими плотными тряпками, чтобы не пропускать то ли свет, то ли сквозняк. С каждым шагом я ощущал, что мне становится как-то не по себе. И дело тут было даже не столько в холоде, сколько в странном предчувствии. Меня все больше охватывала какая-то внутренняя дрожь и тревога.

Мне удалось почти что полностью пересечь деревню, как вдруг на ее окраине, во дворе одного из домов, показался чей-то высокий силуэт. Подойдя поближе, я понял, что это конхунто какого-то кошачьего вида. Крепкий, одетый в теплую шинель, он приносил к старому пню с топором дрова, чтобы их расколоть. На мгновение силуэт замер, глядя в мою сторону, зашел в дом, пробыл там с минуту, а затем снова продолжил свою работу. Когда я подошел поближе, кот окликнул меня:

– Эй, ты! Да-да, я к тебе обращаюсь! Заходи, гостем будешь!

Он открыл мне калитку и пригласил внутрь жестом. Теперь я отчетливо видел, что передо мной снежный барс. Он добродушно улыбался, расправив длинные усы. Глаза горели на солнце ярким голубым цветом.

– Нет-нет, что Вы, – замялся я, – Мне нужно идти.

– Не полагается в наших краях гостей голодными отпускать! Климат тут суровый, сам видишь. Помогаем друг другу. Заходи давай, не мнись на морозе!

Уж очень он настаивал на этом. Мне страшно не хотелось вот так просто принимать приглашение, да еще и объедать кого-то, но горячая пища казалась сейчас такой соблазнительной.

Несмотря на то, что в таком холоде я провел не очень много времени, но организм дал мне понять, что даже этого хватило для того, чтобы страшно проголодаться.

– Прошу прощения, Вы не представились, – заговорил я, когда поравнялся с хозяином дома.

– Что же это я, в самом деле, – барс артистично поклонился, – Хаджи, к Вашим услугам. Прошу, окажите и вы услугу нашему семейству и отобедайте с нами, – он расплылся в еще более широкой улыбке.

– Мне бы не хотелось стеснять Вас и Вашу семью. Я...

Не успел я представиться, как Хаджи взял меня за руку и потянул в дом:

– Ну что Вы, мы так любим гостей! Нечего Вам в такой собачий холод по улицам шастать с пустым брюхом! Проходите! – он практически толкнул меня в дом и запер за нами дверь. Последнее на что я успел обратить внимание – заколоченные окна в соседнем доме. Кажется, мое нутро меня не обмануло. Что-то нехорошее в этой деревне происходит. И что-то мне подсказывает, что я сейчас в логове этого «нехорошего».

В доме было довольно темно, свет нигде не горел, только лучи солнца пробивались с улицы в занавешенные плотными шторами окна. Разглядеть что-либо было достаточно проблематично, но, когда Хаджи завел меня в столовую, стало значительно светлее. Шторы распахнуты, посреди комнаты располагался большой стол из какого-то камня, очень напоминающего мрамор. Я увидел это буквально на секунду, когда хозяйка дома поправляла на столе скатерть. Она была чуть ниже своего мужа, не такой крепкой, само собой, но даже в таком виде легко могла бы поднять полтонны груза и пронести на себе из одного конца деревни в другой, даже не устав. За столом уже сидели все члены их семьи – четверо детей, двое стариков, одна старушка, и, судя по всему, братья то ли жены, то ли мужа. Они были одеты не богато, в простую деревенскую одежду, которая местами уже порвалась и протерлась. Сарафанчики на девочках, льняная рубаша и брючки на мальчишке. Для такой суровой погоды недостаточно тепло, даже в доме с растопленной печкой. Я бы не сказал, что внутри было комфортно относительно температуры – каждый выдох был хорошо замечен облаком пара, выходящим из ноздрей этих мощных кошачьих. Как только я вошел, взгляды их устремились на меня. Одна девочка, самая младшая, даже облизнулась, но ее тут же осекла сидящая рядом старушка. Кажется, они решили, что я этого не заметил. Мой внутренний зверь уже сжался в пружину и был готов бежать со всех ног из этого жуткого дома. Почему жуткого? Чем больше деталей я замечал в комнате, тем сильнее начинало биться мое сердце.

На стене висели рога оленя, где-то в углу, на полке, расположился череп быка. У старшей девочки на сарафане, кажется, были пятна крови, а еще все члены семьи смотрели на меня украдкой, но, как только я поворачивался в их сторону, тут же смотрели куда угодно, но только не на меня. Да и то, что хозяин вдруг завел к себе в дом невесть кого, еще и имя не спросив, явно не внушало никакого доверия.

– Семейство, это наш сегодняшний гость! – радостно заливался Хаджи, – Вы пока присаживайтесь, а я принесу обед. Он уже почти готов.

На мгновение я замер в дверном проеме, как тут же ощутил мурашки, бегущие по спине. За долю секунды я понял – мне в спину смотрит страшный хищник, который сейчас напрыгнет.

Отскочив в сторону коридора, по которому мы шли еще несколько секунд назад, я буквально спас себе жизнь. С диким утробным рычанием на меня прыжком накинулся Хаджи. Промахнувшись, он влетел головой в стол, яростно взвыл от боли, а я, уловив момент, бросился к выходу. В такой ужасной тьме найти засов мне бы просто не удалось, поэтому я просто влетел плечом во входную дверь, сорвав ее с петель, и помчался прочь, в сторону леса. Я слышал, как за мной уже бежит вся эта голодная свора, а мальчишка кричит во все горло «обед убегает». Я судорожно начал петлять между деревьями, пытаясь запутать своих преследователей, пока не понял, что выбежал на открытую полянку посреди леса. Как только я обер-

нул, на меня уже со всех четырех конечностей неся отец семейства – он прыгнул на меня, сбил с ног, в ушах зашумело. Хаджи уже практически вонзился мне в шею, как вдруг откуда ни возмись его одним легким движением скинул с меня огромный трехметровый медведь и на весь лес закричал так, что сосульки на деревьях задребезжали:

– МОЯ ДОБЫЧА! Не смей залезать на мою территорию!

Великие силы, что это за страшное место такое, где жители едят друг друга? Да, я понимаю, что в условиях вечной мерзлоты еды практически нет, но что за варварские методы такие?

Отскочив на край поляны, я обернулся. Перед моим взором предстала страшная картина: барсы и медведи сцепились в схватке, выясняя кто из них сегодня полакомиться свежей крольчатинной. Я осознал, что битва эта продлится недолго, а значит, мне срочно нужно что-то придумать. Убежать и спрятаться я не успею – меня однозначно выследят по запаху и следам на снегу, как вдруг мне на глаза попала она – корюшка черная.

Корюшка черная хоть и сама по себе черной не была, но прозвали ее такой по другой причине. Во время лесных пожаров это желтоватое растение с бутонами, как у хлопка, мгновенно сгорало и разносило свой ядовитый запах на многие километры. Из-за едкого дыма животные теряли обоняние на несколько часов и, практически мгновенно, засыпали. В лесных зонах, где корюшка произрастала большими группами, животные никогда не жили – это могло стоить им жизни. Зато насекомые получали от этого растения пользу, поэтому никогда не обходили такие полянки стороной, а корюшковые муравьи и вовсе строили там целые колонии.

В пылу битвы, катаясь по поляне, соперники обнажили остатки этих уже давно погибших цветов, но я точно знал, что даже после смерти они еще способны доставить массу проблем. Достав из сумки лук, я быстро обмотал кончик стрелы кусочком одежды, оторванным от своей футболки, поджег его одним быстрым ударом кристаллов, прицелился и выстрелил прямо в скопление корюшки. К моей большой удаче, растение вспыхнуло мгновенно. Похоже, что долгие годы под слоем снега не смогли намочить ни стебли, ни останки бутонов. Едкий черный дым тут же повалил вверх, расплываясь по поляне, а я рванул вниз с пригорка, к видневшейся впереди бурной реке. Еще какое-то время до меня доносился пронзительный и тяжелый кашель хищников, жаждущих моей крови, но потом я оказался достаточно далеко от них, а дым успешно скрыл направление, в котором я убежал. Конечно, стереть следы я не мог, поэтому мне нужно было найти способ как можно быстрее перебраться через реку.

К несчастью, на подходах к берегу было слишком скользко, поэтому я кубарем скатился по склону прямо в реку. Воды в ней было мне по пояс, что позволило не утонуть, однако, я весь вымок, что делало мое положение еще более неприятным и опасным. Перейдя реку вброд, я, весь дрожа, побежал как можно дальше от злосчастной поляны. Не знаю, как долго я бежал, но с каждой минутой ветер поднимался все больше, небо все больше темнело, пока солнце окончательно не провалилось за горизонт. К тому моменту, когда я практически полностью обессилил, на моем пути оказался одинокий дом посреди леса.

Домик был уже не очень ухожен, но все еще казался весьма уютным. Внутри горел свет, но из печной трубы не валил дым. Может, этот дом уже бросили. Я рухнул от усталости и холода прямо в сугроб, как вдруг услышал скрип входной двери. Повернул голову в сторону звука, перед моим взором возник человек – седой старик, сгорбленный и худой. Он заохал, помог мне встать. Кажется, он что-то спрашивал, но я уже не мог понять, что именно он говорит, да и ответить у меня бы не получилось – настолько сильно дрожала моя челюсть.

Дедушка завел меня в дом, посадил у лампадки, а какая-то бабулька, такая же сгорбленная, как и ее муж, принесла мне одеяло. Дедушка затопил печь, посадил меня у самого огня. Когда я снял с себя всю одежду, укутался в одеяло и немного отогрелся, мне наконец-то удалось поговорить с ними.

– Спасибо вам, добрые люди.

– Да чего уж, – махнул рукой дед, – Мы тут таких как ты не часто видим. Тут же в основном одни хищники и остались. Хищники да люди. И то последних уже скоро не станет.

Бабулька тяжело вздохнула, сняла с печки чайник и налила всем по чашечке кипяточку:

– Мы ушли в лес жить, – заговорила она тихим и приятным уху голосом, в отличие от слегка хрипящего баритона супруга, – Устали от постоянных нападений зверей. Охотников в поселке нашем все меньше, отбиваться все сложнее. Мы с дедом на время рейдов уходим жить сюда, а потом возвращаемся к остальным. Видишь ли, милоч, мы уже старые, воевать не можем. А сыновья наши боятся за нас, переживают. Вот и отсылают сюда.

– А как же вас тут до сих пор не нашли?

– Хе-хе, – засмеялся дед, – Все просто. Я, скорее, удивлен, что ты нас нашел. Как ты забрел-то сюда, а?

– Кто бы помнил... Кажется, когда я отбивался от хищников и поджег корюшку, сам надышался и шел в каком-то тумане. Еще и вода эта ледяная...

– Что ж, другого я и не ждал. Целенаправленно место это не найти даже по запаху. Видишь ли, на несколько километров вокруг нашего дома мы расположили на деревьях обереги – каменные такие, как бы скворечники, на деревьях. Кладем туда корюшку черную, поджигаем. Звери сюда не сунутся, а людям от запаха корюшки ничего не будет.

– Правда? – я был удивлен, – Значит, на вас ее запах никак не влияет? У меня от него сразу же голова кругом идет.

– Хе-хе, снова засмеялся дед, – Люди-то иначе устроены.

– Почему же тогда в деревне вы не оградитесь от зверей с ее помощью?

– Если бы все было так просто. Видишь ли, милоч, – бабулька присела рядом с дедом, – На деревню-то нашу напали раньше, чем мы узнали о том, что корюшка зверям вредит. Даже если мы ее зажжем, они все равно придут, потому что место знают. Уйти всем поселком мы ну никак не можем – просто некуда. А домик этот у нас маленький, на двоих. Хотя порой мы и детей сюда берем, беременных женщин и других стариков, просто чтобы пережить налет. Но жить тут такой толпой, сам понимаешь, просто негде.

– Мы уже обратно в поселок собрались, а тут я увидел тебя, почти у самого нашего порога. Не бросать же. Ты можешь остаться у нас на ночь, только мы все равно уйдем. Дрова у нас кончились, так что прости, тебе их хватит часа на два, не больше. Еды тут тоже уже нет. Поэтому мы и возвращаемся. Для твоего же блага, свет на ночь лучше потуши. Нам бы не хотелось, чтобы это место кто-то обнаружил.

– Хорошо. Спасибо вам за доброту. Мне это правда нужно сейчас.

Дедушка улыбнулся:

– Нужно помогать тем, кто в этом нуждается больше всего. Добро же оно возвращается, знаешь это? Вот были у нас в деревне люди, которые таких же как ты, травоядных, убивали и поедали. Вот они потом сами же добычей и стали. Каждому воздастся по делам его. Всегда надо эту простую мудрость в голове держать.

– Ты о домике нашем не беспокойся, милоч, – заговорила бабулька, – запирать его не надо. Просто захлопни дверь за собой, чтобы ветром не отворилась. А мы пойдем с мужем.

Старики перекрестились трижды, а потом исчезли во тьме. В комнате воцарилась тишина. Только треск дров в камине ласкал слух. Мне страшно хотелось воспользоваться камнями, чтобы как можно скорее вернуть себе комфортные ощущения сухости и тепла, но я решил оставить их на крайний случай – когда огонь погаснет. Следуя совету стариков, я погасил лампадку и занавесил окна, чтобы не выдавать местонахождение их дома. В носу и в горле все еще противно жгло от паленой корюшки, поэтому я постарался заглушить эти ощущения несколькими глотками воды, которую раздобыл с помощью ковшика и чистого снега во дворе. Тратить свои собственные запасы воды мне показалось неразумным в данный момент. Чем теплее мне становилось, тем больше хотелось спать. Наскоро перекусив запасами сушеных

ягод из своей сумки, я улегся спать перед огнем, предварительно заведя на часах будильник, который должен был сработать через два часа – именно столько, по словам старика, осталось до того момента, как теплое пламя потухнет окончательно. Хотя мне и казалось, что отключаться сейчас совершенно небезопасно, но усталость взяла свое.

Проснувшись через пару часов, я обнаружил, что в камине тлеют прогоревшие дрова. Потушив головешки остатками талого снега, я достал те камни, которые предназначались для моего собственного костра, бросил их в камин и благополучно проспал до самого рассвета.

Когда я выглянул на улицу, полоска холодного розового света уже накрыла горизонт, однако на небе перемежались темные тучи, предвещая скорые осадки. За ночь моя одежда высохла рядом с каменным кострищем, избавив меня от необходимости оставаться в доме еще несколько часов. От завтрака я отказался, поскольку обозначенное на карте место было не так уж далеко – час ходьбы, может, два. Нарастающий ветер сдувал с сугробов снежную порошу, оголяя подмерзшую снежную корку. Хруст под ногами не разносился по округе слишком громко – его глушили многочисленные кусты и деревья. Это, пожалуй, было мне на руку, однако такая местность значительно осложнила мой путь. Необходимость постоянно обходить препятствия порой сбивала меня с пути, заставляя искать себе какой-то ориентир далеко впереди, который нельзя было выпускать из виду, но в таком густом лесу слишком далеко что-то увидеть просто не было возможным. Я то и дело обращался к карте, снова и снова сверяя маршрут.

Погода довольно скоро начала портиться. Сначала пошел мелкий снег, который гармонично смешивался с порошей от ветра. Затем хлопья стали крупнее, а ветер усиливался. Мой путь стал еще более трудноразличимым, чем раньше. Я прижал уши плотнее к голове, спрятав кончики аж под футболку, чтобы снег не задувало, а сам пытался пройти через сугробы, которые становились все глубже по мере продвижения вперед.

Через час уже началась снежная буря, и я утратил всякую возможность видеть дальше пары-тройки метров. И без того темный лес казался еще более мрачным и безжизненным, что заметно стало давить мне на психику. А вдруг где-то в кустах меня поджидают хищные звери, подгадывая время, когда я буду наиболее уязвим к атаке? Хотя я и знал, что без конкретной цели и нестерпимого голода хищники вряд ли выходят из своего логова, в моей голове сейчас роилась тьма неблагоприятных исходов.

Я в очередной раз посмотрел на карту – уже совсем близко, всего пара сотен метров. За очередным деревом, я, наконец-то, достиг цели – передо мной раскинулась небольшая поляна без растительности, на которой взгромоздилась металлическая вышка. Судя по всему, радиовышка или вышка пожарной станции в лесу. На этом пяточке видимость была уже лучше, поэтому я посмотрел вверх, на смотровую площадку. На мгновение мне показалось, что там, наверху возвышалась и в долю секунды скрылась какая-то высокая и широкая фигура. Я проморгался и посмотрел еще раз – никого.

Что-то в груди противно заскребло, а уши сами поднялись, как бы вслушиваясь в вой ветра и остальные звуки. Мне удалось уловить скрип старой вышки, которая едва заметно покачивалась от ветра. Снова взглянув на карту, я убедился, что сигнал бедствия послали отсюда.

Добравшись до вышки по глубокому снегу, я обошел сооружение, чтобы добраться до лестницы. Сперва меня насторожило отсутствие снега на ступенях, но я тут же вспомнил про ветер. Медленно и осторожно, я начал подъем по вертикальной лестнице. Легкий лязг металла неприятным эхом разносился по округе вместе с ветром. С каждым шагом вверх, внутри, вместе с пульсом, сердце проваливалось в пятки – дурное предчувствие.

Вышку резко дернуло, она издала металлический визг, качнулась в сторону и замерла, когда я остановился, вцепившись в ступени. Кажется, это сооружение уже очень давно не обслуживали. Мне следует быть осторожнее. Лишь бы не упасть отсюда – а то будет крайне неприятно. Я посмотрел вверх, чтобы оценить путь, который мне осталось преодолеть. Вверху

виднелся закрытый люк, до которого оставалось еще метров десять, не меньше. Взобравшись на самый верх, я с усилием надавил на крышку, которая с оглушительным шумом от ржавых петель, откинулась в сторону, практически ударившись об пол. Наконец, я был на смотровой площадке. Окна небольшого помещения ужасно заледенели – было невозможно рассмотреть что-то внутри, даже вплотную прислонившись к стеклу. Держась за поручни, чтобы не упасть от усилившегося качения вышки, я медленно добрался до входа. Сама площадка покрылась толстой коркой наледи, что делало передвижение по ней еще более опасным.

Дверь в помещение не была заперта, она легко поддалась мне, практически без усилий, но и у нее петли издали какой-то умирающий скрип. Внутри было темно – только тусклый свет остатков солнца пробивался через обледеневшие окна. Включив фонарик на часах, я ощупал комнату ярким лучом света. На полу хаотично расстелились старые газеты и чьи-то записи, какие-то бумаги и протоколы. Подняв одну из них с пола, я прочитал отрывок «... Осмотр показал, что в данном регионе живых не осталось. Следующая экспедиция назначена в квадранте F, дату назначит...» – дальше смазано и неразборчиво. Вернув бумагу на пол, я подошел к пульта управления радиовышкой. Когда я нажал на кнопку включения, из колонки раздался тихий визг сбитого радиосигнала, приборы подсветились, а табло загорелось частотой тридцать семь альфа три. Как уже можно было догадаться, по этой частоте никаких сигналов не было. Лучом света я вновь начал обшаривать комнату, но на этот раз разгребал бумаги на столе. Поскольку внутри никого не оказалось, я предположил, что кто-то точно должен был оставить Совету сообщение. Если только с тем, кто послал радиосигнал, ничего не случилось.

Большинство документов уже пожелтели, какие-то почти рассыпались в труху или просто выглядели довольно старыми. В голову пришло заглянуть под стол – что-то есть. Присев на корточки, я поднял белый листок бумаги с пола и перевернул.

«15 лира, время 2:05 после полуночи. Радиосигнал слабый, молчание по всем частотам. Погода портится, с утра начнется снежно-грозовой шторм. Необходима поддержка высших сил, существование всех видов под угрозой.

16 лира, время 3:07 после полудня. Шторм усиливается, вышку сильно качает. Подать сигнал бедствия не удастся. Соседние миры не могут получить радиосигнал. Резервное питание работает плохо, пришлось отказаться от света. Припасы почти кончились, покинуть вышку не могу из-за погодных условий. Продолжаю попытки связаться с другими мирами.

16 лира, время 7:37 после полудня. Шторм ненадолго затих, удалось отправить сигнал бедствия. По состоянию приборов, видно, что радиосигнал дошел, но ответа не последовало. Припасов хватит еще на пару дней, не больше. Надеюсь скоро...»

Запись оборвалась какими-то каракулями. Было похоже, что тот, кто писал этот дневник, резко дернул рукой, но к записям больше не вернулся.

За спиной послышался резкий скрип, который заставил меня дернуться и развернуться. Дверь распахнулась.... Наверное, ветер. Старая металлическая дверь судорожно задергалась от порывов ветра, а качка вышки только усиливала этот эффект. Стук металла громко врывается в комнату, давя на уши. Поднявшись с пола, я подошел к двери, чтобы запереть ее, и выглянул наружу.

Темная мохнатая фигура вдвое выше меня резко обрушила на мое тело свою когтистую лапу с такой скоростью, что я едва успел отскочить. Однако, это не сильно меня спасло – оно, что бы это ни было, сильно полоснуло мне левую руку, разодрав куртку. Мне в нос тут же ударил резкий запах собственной крови. Фигура наклонилась, скорчившись, медленно и грузно входя внутрь. Громкие и тяжелые шаги жутким эхом пронеслись по помещению. Ошеломленно сидя на полу и держась за рану, я видел, как это мохнатое нечто втискивается в дверной проем, а слабый свет снаружи обволакивает его, растворяясь в его шерсти, словно сотканной из самой темноты. На меня уставились два ярко-желтых глаза с хищными узкими зрачками. Едва я пришел в себя, тут же отпрыгнул в сторону, в то время как загадочное существо с животным рыком

накинулось на меня. На долю секунды мне показалось, что, прежде чем напасть, оно посмотрело на мои часы, едва сузило разрез глаз, а потом уставилось на меня.

Не став терять времени, я, что было сил, рванул к выходу, с шумом захлопнув двери. Поскользнувшись на выходе, я впечатался в ограждение, вышка резко качнулась, и меня буквально вышвырнуло наружу. Схватившись здоровой рукой за перилла, я повис над пропастью, а с раны кровь закапала вниз.

Раздался мощный удар двери о стену, страшное существо ринулось вперед, но тоже, по-видимому, поскользнулось, и его откинуло в сторону. Я увидел, как фигура заскользила и врезалась в ограждение, но ее не выкинуло, как меня – слишком тяжелая. Вышка громко хрустнула, словно сломалась под напором ветра, и начала падать вниз именно с той стороны, где висел я. Что ж, теперь или никогда! Немного качнувшись на периллах, пока сооружение летело вниз, я спрыгнул ближе к земле и чуть вперед, чтобы меня не раздавило. Благо, снег был достаточно мягким, чтобы я не переломал себе ноги. Пульс бешено застучал, кровь не останавливалась, а страшное существо рухнуло в сугроб. Оно медленно начало подниматься из снега, как сгусток какого-то животного ужаса, вырастая из сугроба как быстроразвивающаяся канирская черная плесень⁴. Поняв, что ничего хорошего мне тут не светит, я наскоро выбрался из снега и ринулся куда глаза глядят.

Нажав на кнопку связи на часах, я начал ждать ответа от Пабло или Кобальта, не останавливаясь ни на секунду, изредка поглядывая себе за спину. Страшный зверь, смешиваясь со снежной пургой, бежал за мной:

– Ты должен умереть, жалкая армейская тварь! – зарычал он басом.

Часы нежно щелкнули и отозвались:

– Малкольм, что случилось? – это был Кобальт.

– Погоня! Как отсюда сбежать, срочно!

Кобальт сейчас задавать лишних вопросов не стал. По ту сторону защелкал клюв и когти, перебирая что-то на сенсорных клавишах.

– Передаю координаты ближайшего портала. Оставайся на связи, птенец!

Быстро взглянув на карту, я вдруг осознал, что портал находится у меня за спиной – чуть дальше упавшей вышки. Нужно было как-то развернуться, чтобы не попасться. Про себя я тихонько выругался.

– Кто ты такой и что тебе от меня нужно вообще? Зачем ты на меня напал?

За спиной раздался рычащий смех:

– Идиот! Ты пришел прямо в ловушку! Грязная армейская тварь, путающая наши планы! Мы и до Совета доберемся. С каким наслаждением я порву их самодовольные глотки!

Зверь наскочил на меня в тот момент, когда я нырнул за дерево. Сухая кора хрустнула под напором когтей. Я слышал, что животное на мгновение замешкалось, что дало мне возможность развернуться и двинуться в сторону портала.

Теперь снег предательски бил в лицо, мешая и без того маленькому обзору. В пылу погони я совсем забыл о кровоточащей ране, однако капли на снегу помогли мне сориентироваться и двигаться в верном направлении. Тварь тяжело дышала и рычала за спиной. Мне казалось, что она вот-вот меня настигнет. Я практически ощущал горячее дыхание на спине.

Передвигаться пришлось зигзагами, почти рвано, то и дело защищаясь деревьями. Впереди уже показалась вышка. Главное – не попасться на равнинной поверхности. Ловким прыжком я добрался до вышки, заскочил на одну из стоек и побежал по ней. Зверь сзади тоже заскочил на стойку, однако ему передвигаться по ней было значительно сложнее – его лапы

⁴ Канирская черная плесень – вредоносный грибок, поражающий деревья. Один квадратный сантиметр грибка за час способен полностью поразить тридцатиметровое дерево, убив его изнутри. Плесень названа так в честь острова на котором была обнаружена. Канир – остров с очень влажным климатом, на котором плесень поражает только самые влажные виды деревьев.

оказались куда шире моих, что значительно усложняло ему передвижение. Еще немного, еще несколько рывков...

Надо собраться. Собраться настолько, насколько это возможно, иначе портал не откроется. Я остановился на месте, повернулся боком в сторону страшного зверя и сделал несколько спокойных глотков воздуха.

Снег немного ослаб, а ветер стих. Передо мной был гигантский трехметровый волк с темной, почти черной, шерстью. Теперь я видел это четко и ясно. Большие зверино-желтые глаза смотрели мне прямо в душу, проскребаясь в самые потаенные ее уголки. По всему телу одновременно пробежали жар и холод, а нутро тряслось и выло. Он был уже близко.

Собрав волю в кулак, мне удалось открыть портал и запрыгнуть в него, а затем я тут же потерял собранность, и он закрылся.

Упав на мягкую траву, я ощутил жар палящего солнца и услышал пение птиц. Боясь открыть глаза, я лежал так еще пару секунд, пока не решился поднять отяжелевшие веки. В нескольких метрах послышался крик:

– Живой? – это был Кобальт.

Глава III. Потревоженное убежище

*Далекий шепот слышу я сквозь сон.
Быть может, я еще кому-то нужен?
Но мне не закричать – таков закон.
К тому же, голос мой давно простужен.*

*Себя не помня, руку подавал,
В грязи не побоявшись оказаться.
Последнее, что было отдавал,
Готовый был всегда за счастье драться.*

*Я слышал в спину смех и лесть в глаза,
Я ожидал добра от тех, кто вечно злобен.
И сквозь стекло небес увидел я,
На что на самом деле был способен.*

*Угробил сам я свой потенциал,
Закрылся, сам себя похоронил.
Себе твердил «ах, если бы я знал,
То раньше бы себя остановил».*

Кобальт приземлился рядом со мной и бросил на меня вопрошающий взгляд.

– Живой, но ранен, – я кивнул в сторону левой руки. Рваный рукав куртки уже изрядно намок от крови.

– Попробуешь сам себя залечить? Ты же практиковался в магии лечения.

– Наверное, могу только попробовать, но обычно у меня ничего не выходит,

– Ничего страшного. Соберись, я пока настрою капсулу на лечение. Если не справишься сам, то мы тебя без проблем подлатаем, – ворон улетел к консоли управления, оставив меня одного.

Осторожно стянув с себя курточку, я сел поудобнее и постарался сконцентрироваться. Не знаю, было ли дело в недавнем всплеске адреналина или же в холоде, но боль в рваной ране уже почти не ощущалась, хотя кровь все еще сочилась. Волк полоснул меня достаточно глубоко, хоть и не до кости. Все мои попытки собраться позволили мне лишь остановить кровь, но не затянуть раны. Что ж, это тоже был уже неплохой результат.

Через несколько минут Кобальт подозвал меня к медкапсуле. Я вошел внутрь, дверь за мной закрылась. После едва слышного гудения, рана затянулась сама – как не бывало. Даже шрамов не осталось.

– Кто на тебя напал, птенец? Я все слышал и записал, но глаз-то у меня там не было.

Поправив взъерошенную шерсть, я заговорил:

– Кажется, это был волк. Гигантский, кроме шуток. Метра три в высоту, если стоял на задних лапах. Широкий, просто шкаф какой-то. Я не смог его как следует рассмотреть, но хорошо запомнил длинную и густую шерсть, почти черную, и звериные желтые глаза, горящие как свечи. А еще запах...

– Какой запах?

– Мне кажется, именно так должна пахнуть опасность. От этого запаха шерсть встает дыбом, по спине бежит холод, а язык немеет.

Кобальт задумался на минуту, а затем продолжил:

– Думаю, это был наш враг. Могу судить только по тем фразам, что он обронил в пылу погони. Он знал, что ты состоишь в армии Совета. Думаю, это он и послал сигнал о помощи.

– Зачем? Что ему было нужно? – мне казалось это абсурдным, но я начал понимать, к чему клонит ворон.

– Это прозвучит странно, но буквально за последние сутки мы получили массу таких сообщений из разных миров. Как ты уже знаешь, подобного рода миссии мы не поручаем опытным воинам. Только послам. К несчастью, они не обладают нужным уровнем подготовки... Как только мы поняли, что не можем связаться с очередным по счету послом, получив только код деактивации в ответ, то стали бить тревогу. Больше мы не отвечаем на сигналы бедствия без какой-то информации.

– Код деактивации? – я решил уточнить, что это такое.

– Часы, которые вы все носите, имеют код деактивации. Он срабатывает, когда владелец снимает часы, находясь в другом мире, или, что еще печальнее, умирает. Часы отправляют код деактивации, всю полученную за последние сутки информацию о владельце и его состоянии, а также деактивируют часы, чтобы никто не смог ими воспользоваться. Так вот, несколько послов уже погибли или пропали без вести. Пока что ты первый, кто вернулся назад. И мне нужно срочно сообщить об этом.

– Думаешь, мне удалось выжить, только потому что я когда-то был рангом выше?

– Не исключаю такой поворот событий. Советую тебе передохнуть немного, а потом мы еще поговорим, хорошо?

– Нет, постой. Я видел, что происходит в том мире. А еще в радиорубке были недавние записи с просьбами о помощи и попытками подать сигнал. Возможно, им и правда нужна помощь Совета.

Ворон задумался.

– Ну хорошо, составь подробный отчет об увиденном, а я пока передам имеющуюся у нас информацию в общий канал. Уточню про других выживших.

Внезапно у Кобальта запищало кольцо – такой аксессуар был у него и Пабло вместо тех же часов, что носили мы. Кольцо обладало ровно теми же функциями, но настроенными специально для нужд помощников. Птица раскрыла всплывающее голо-окно⁵ и заговорила:

– Между прочим, у профессора Донву освободилось время на сегодня. Через три часа он будет ждать тебя на том же месте. Соглашаюсь на заявку?

– Да, конечно. Почему бы и нет. Я напишу отчет и потренируюсь перед нашим занятием.

– Договорились, птенец. Разлетаемся.

С этими словами, Кобальт одобрил заявку и улетел к консоли, чтобы передать информацию коллегам, а я подошел уже к своей консоли, чтобы напечатать отчет о пройденном задании. Проще было бы просто выгрузить воспоминания в хранилище, но для такой процедуры нужно заполнить несколько форм. Воспоминания Совет получал только с добровольного согласия того, кому эти самые воспоминания принадлежат. Признаться, в данной ситуации я был не против, однако решать это уже не мне – необходимость процедуры выгрузки определяется после рассмотрения отчета о миссии.

Закончив с отчетом, я отправился к водопаду, чтобы немного ополоснуться и смыть с себя остатки этой миссии. Температуру воды в этом мире можно было регулировать, поэтому я долго стоял под струями горячей воды. Мне казалось, что на задании я промерз до самых костей, когда попал в реку. Мне слабо помнилось то, как я добрался до домика старичков. Интересно, после моего отчета кто-нибудь поможет людям в том мире? Не хотелось бы, чтобы целый вид вымер из-за хищников, которые кишели там повсюду.

⁵ Голо-окно – всплывающее окно-голограмма, которое генерируется специальными устройствами, которые носят все существа, живущие в городе Совета. Голо-окна могут быть встроены в часы, украшения, пояса и другие предметы, которые используют местные жители.

Смыв с себя усталость и какой-то необъяснимый флер мрачности, я заскочил в свое маленькое убежище в пещере, которое некогда оборудовал под свои нужды. Как только выдавалась свободная минутка, я постепенно улучшал это место. Несмотря на то, что бывал я в своем импровизированном жилище не так часто, оно все равно ощущалось как крепость, где мне ничто не грозит и никто не побеспокоит.

Часы завибрировали – это автоматическое напоминание о занятии с профессором Донву. Наскоро перекусив, я отправился на то же место, где мы встретились с ним в прошлый раз.

Старый фенек сидел в позе лотоса перед морской гладью. Глаза его были закрыты, так что я не решился его беспокоить. Через минуту Отто открыл глаза и посмотрел на меня:

– Рад, что еще не все существа потеряли уважение к старшим.

Он уловил мой вопросительный взгляд и продолжил:

– Некоторые мои ученики полны нетерпения. Они совершенно бестактны, могут прервать мою медитацию, не позволив мне закончить. Те, кто не способен научиться терпению, едва ли способны полноценно и правильно освоить магию. Магия многогранна и сложна. Терпение и концентрация идут друг с другом рука об руку. Если у индивида нет контакта даже с самим собой, то как он может обрести этот контакт с такой тонкой материей, как магия? Не отвечай, вопрос риторический. Итак, – Отто поднялся, взял свой посох и глубоко вдохнул, – Давай посмотрим, что у тебя получится на этот раз. Стой ровно, не напрягайся. Закрывай глаза и ощущай мир вокруг себя каждой клеточкой своего тела.

Собравшись с мыслями, я точно выполнял указания профессора. В какой-то момент, мне показалось, что я растворился в окружении, сливаясь с природой. Ощущая себя ветром в воздухе и волной в море, я понял, что спокойствие окутало меня дымкой легкости и нежности. Однако это не помогало мне обратиться в животное.

Прошел час, затем другой. Чем больше времени утекало сквозь пальцы, тем больше я терял концентрацию – в голове вертелись разные мысли, бессвязные отрывки из воспоминаний. В какой-то момент я начал злиться на себя за то, что у меня ничего не выходит.

– Ну все, достаточно, – спокойно сказал профессор, – У меня для тебя есть заключение по сегодняшней работе. Во-первых, ты хорошоходишь в состояние полной концентрации. Она у тебя держится не так долго, но очень четко ощущается. Для магических практик это просто отлично. Если ты и дальше будешь тренироваться в достижении концентрации, то далеко пойдешь. Насколько мне известно из разговора с Кобальтом, ты сейчас тренируешься в магии лечения. Думаю, ты заметишь свой прогресс при следующей попытке применить эту магию. Теперь касаемо анимагии – у тебя есть какой-то блок. Мне кажется, что я понимаю, в чем тут дело. Поскольку обратить тебя насильно я не могу, нам придется обратиться к другому методу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.